



Генрих Митин

РАСКОЛ

*Историческая хроника
в двух действиях*

Ревнуя о единении Церкви вселенской, он расколол свою.

В. О. Ключевский

Действующие лица

Алексей Михайлович, царь, 20 лет¹.

Стефан, протопоп, духовник царя.

Неронов Иоанн, протопоп Казанского собора в Москве.

Даниил, протопоп из Костромы

Логин, протопоп из Мурома

Аввакум, протопоп из Юрьевца, 29 лет

} духовные
дети
Неронова.

Пансий, патриарх Иерусалимский, гость.

Никон, митрополит Новгородский и Великолуцкий, затем патриарх, 44 лет.

Монах из Новгорода.

Ртищев Федор Михайлович, постельничий и близкий друг царя.

Иосиф, патриарх Московский и всея Руси.

Богдан Хмельницкий, гетман Войска Запорожского, 54 лет.

Выговский Иван, писарь Войска.

Иоасаф, митрополит Коринфский, духовник гетмана.

Парфений, патриарх Константинопольский.

Трубецкой Алексей Никитич, боярин, князь, воевода.

Корнилий, митрополит Казанский.

Григорий, протодиакон.

Бутурлин Василий Васильевич, боярин.

Данилов Иван

Петр

} дьяки
в Казанском
соборе.

Нелединский, стрелецкий полковник.

Феоктист, игумен.

Монахи у патриарха Иосифа.

Боярыни на проповеди протопопа Аввакума.

¹Здесь и далее возраст персонажей указан к началу действия.

Время действия: 1649—1654 гг.

Основное место действия — Москва, Кремль.

Декорации и исторические костюмы не обязательны.

Действие первое

Сцена первая

День молодого царя

Царь Алексей и Стефан.

Алексей. А жаль, отче Стефан, что отправили мы Никона в Новгород! Хотя бы и митрополитом... По твоему совету!

Стефан. Так ведь безобразничали новгородцы, государь. А ныне говорят о них иное.

Алексей. Что же?

Стефан. На Новгородском подворье монахи болтают, будто святитель Никон...

Алексей. Приведи монаха! Послушаем о собинном моем друге...

Внезапно является Хмельницкий.

Хмельницкий. Великий государь Алексей Михайлович! Пожалуй меня и всех запорожских черкас, прими под свою государскую высокую руку! И помощь нам учини! Ведь мы ныне, сложась с крымским ханом, хотим вести войну с поляками! Нас, слуг своих, до милости царского своего величества прими и на войну эту благослови, как православный государь. Да рати своей против неприятелей наших пришли!.. Вашему царскому величеству низко бьем челом — не отделий нас от милости своей! А мы Бога о том молим, чтоб ваше царское величество, как правдивый и православный государь, над нами царем и самодержцем был! *(Исчезает.)*

Алексей. Что скажешь, отче? Чем ответим на послание гетмана Богдана?

Стефан. Гетман пишет не впервые...

Протопоп Иоанн Неронов врывается с видом человека, которого никто и ничто не остановит.

Неронов. Царь-государь! Верные твои богомольцы, несчастные наши ставленники, три протопопа из Костромы, Муромы и Юрьевца, молят тебя: выслушай!

Алексей. Где же они, отче?

Неронов. У твоего порога, царь-государь!

Стефан. Отчего же не у себя, на местах,

им назначенных? Не самовольно ли места оставили?

Неронов. Какое самовольство! Ни, отче Стефан. Побиты нещадно и изгнаны бессудно...

Алексей. Кто поднял руку на священноставленников Москвы?

Неронов. Твои люди, царь-государь, воеводы местные, начальники тамошние! Предерзко и сами бьют наших верных, и народ науськивают, как собак на зайцев!

Стефан. Нет ли греха какого и на них, отче?

Неронов. Грех ли требовать, чтобы богослужение шло по правилам, а не по обычаю? Ан нет — многим пришлось сие не по вкусу, длинно и утомительно! Им по душе проклятое многогласие, привычное еще от Смутного времени...

Стефан. Протопопы и посланы были затем, чтобы истребить многогласие!..

Неронов. Укоренилось, подлое! Для скорости один священнослужитель читает, другой поет, третий говорит возгласы — и все одновременно, отчего путаница звуков, понять ничего нельзя! Да это и не нужно, лишь бы прочитано и пропето!

Стефан. К несчастью, государь, современное благочестие вполне удовлетворяется присутствием, не снисходя до понимания и тем паче избегая сердечного участия.

Неронов. Видишь ли, царь-государь, твоих богомольцев бьют, стреляют, топят, а в церквах грязь и разврат творят!

Алексей. Не помню, кто из древних мудрецов сказал: каковы пастыри, такова и паства.

Неронов. Церковь невинна, царь-государь! Весь грех на твоих начальных людях! Простец народ их слушает, а они, ироды, хватают за горло ревнителей благочестия, требуя вершить службу хотя бы и нелепо, да ускоренно! Зато уж за обедом в своих домах сидят долго-долго и едят-пьют медленно...

Алексей. Приведи как-нибудь своих ревнителей, хочу убедиться, за Бога ли пострадали или просто так, за свою гордыню.

Стефан. В иные времена паства стаду агнцев подобна, а в иные — стаду взбесившихся слонов. С агнцами подобает кротко говорить, а бешеных слонов подобает укрощать всеми мерами!

Алексей. Отчего же, отче Стефан, отчего ныне ожесточилась паства против достойных пастырей?

Стефан. В течение Смутного времени и дух народа смутился. Корень всякого зла — смута и раздор! Вернуть надо народ на путь истинного служения Господу нашему Иисусу Христу!

Неронов. Иисусу, отче Стефан. Истинно тебе говорю: не Иисусу, но Иисусу!

Стефан. Знаешь ли, отче Иоанн, что есть истина? Сказать ли два «и» или одно в имени Господа нашего?

Неронов. Удваивают враги наши — шиши латинские, православные же не удваивают, отче.

Стефан. В греческой православной церкви — удваивают.

Неронов. А православны ли сами греки, живущие под турецким гнетом?

Стефан. Пускай, и в неволе пребывая, светится греческая церковь правою верою! Да заградятся всякие уста глаголящих неправду на смиренных греков! Русскому народу патриарха вселенского, архиепископа Константинопольского слушать, ему подлежати и повиноваться в обрядах и в науке духовной есть польза и приобретение великое, спасительное и вечное!

Неронов уходит.

Алексей. Каков отец Иоанн? А? Воистину — ревнитель благочестия!.. Люблю слушать проповеди отца Иоанна, да и царица полюбила. Не зря его прозвали Иоанном! Не иначе как в честь Иоанна Златоуста...

Стефан. Иоанн Неронов — муж желаний духовных, подобный ангелу, не ведающему земных забот. Так говорят об нем люди. Но замечаю, что стал он куда беспокойнее прежнего. Ты, государь, просил Киевского митрополита Сильвестра прислать нам учителей, знающих грече-

ский и латынь. Иоанна как громом среди бела дня поразило, когда в Кремле увидел он Епифания Славинецкого и прочих ученых монахов и милость твою к ним...

Алексей. Неронов в обиде на тебя?

Стефан. Отец Иоанн, не владея греческим, правит церковные книги токмо по старорусским рукописям да по личному опыту, произволом обычая. Ныне же, с приездом киевлян, влияние отца Иоанна ослабело, хотя в проповедях и поучениях ему нет равного — истинный Златоуст!

Алексей. Среди смертных нет ангелов, не ведающих земных забот...

Является Паисий:

Паисий. Прощаясь с вами, великий государь царь и самодержец всея Руси, мы с искренней страстью хотим объявить, что греческая вселенская церковь видит в вас, русском царе, единственного в целом мире охранителя вселенского православия!

Стефан. Прощаясь с вами, святитель Паисий, и имея в виду исправление русских церковных книг по книгам греческим, умоляем вас оставить на Москве вашего ученого иеромонаха грека Арсения — в помощь названному благочестивому делу.

Паисий. Желая великого успеха благочестивому подвигу исправления церковных книг, мы оставляем вам нашего иеромонаха Арсения по вашей просьбе и вашему желанию. Однако хочу предупредить вас, отче Стефан, что много, ох, много в том Арсении иных кроме православия вер и обычаев, и вам бы его прежде рассмотреть гораздо — был ведь он и в жидовстве...

Стефан. Учитывая сие, мы пошлем Арсения Грека на испытание веры в один из дальних монастырей. Если Арсений Грек выдержит испытание, мы все же допустим его к исправлению наших церковных книг по вашим греческим.

Паисий. Поступайте с Арсением, как велит вам мудрость ваша и долг ваш перед государем, великой милостыни которого мы никогда не забудем!

Алексей. Мы, великий государь царь и самодержец всея Руси, прощаясь с вами, великим святителем, надеемся на ваше

архипастырское благословение нам и делам нашим!

Паисий. Благословение патриархов вселенских всегда с вами, вашим царством и вашим семейством, великий государь царь!

Алексей. Мы, великий государь царь и самодержец всея Руси, видим себя преемниками и законными наследниками благочестивых и православных кесарей византийских!

Паисий. Пресвятая Троица да благословит твое царствование и да превознесет тебя превыше всех царей древних и новых, превыше царя Давида, превыше великого Константина! И да укрепит тебя, и да умножит твои лета до глубокой старости, дабы достало у тебя сил и времени благополучно воспринять высочайший престол великого царя Константина, прадеда вашего!

Алексей. Мы, великий государь царь и самодержец всея Руси, верим: Господь поможет нам принести освобождение православным народам, угнетенным ныне, и также святой православной греческой церкви!

Паисий. Пресвятая Троица да благословит великого государя на освобождение всех благочестивых и православных христиан от нечестивых рук, от лютых зверей, поедających немилостиво! Да будешь новым Моисеем, да освободишь нас от пленения, как Моисей освободил сынов Израилевых от фараоновых рук жезлом — знаменем честного животворящего креста! *(Исчезает.)*

Алексей. Прав ты, Стефан Вонифатьевич: «Да заградятся всякие уста глаголящих неправду на смиренных греков!» И вот что, отче: не попросить ли нам патриарха Иосифа, чтобы в церквях наших на многолетиях вместе с Московским патриархом поминали и благочестивых вселенских? Пора с кафедры объявить народу: мы признаем греческих патриархов такими же православными, каковы суть московские!

Стефан. Все на благо, что укрепляет единение церквей наших, без чего не может быть единения народов православных!

Алексей. Паисий от души благословил нас. Понимаю: нелегко блуждать по свету вселенским патриархам и страшно

возвращаться на свои престолы, где неизвестно что ожидает их от бусурманского шаха...

Стефан. Одна у них надежда — ты, государь.

Алексей. Благословил нас Паисий на дело великое... Достанет ли целой жизни нашей, отче? Злой рок повис над родом Романовых! Отцы уходят в вечность преждевременно, и дети шестнадцатилетними восходят на царство! Шапку Мономаха возлагают на голову мальчишек... Ужели и моему сыну осиротеть прежде, чем войдет в пору духовной зрелости?

Стефан. Паисий благословил тебя на жизнь до глубины старости, дабы ты успел свершить предназначение...

Алексей. Или все сбывается, что обещают патриархи? Редкие они гости у нас... Юность взыскует отца — опытного и нежного!

Стефан. Царство взыскует священства! Дед твой, патриарх Филарет, занимался не токмо духовными, он был соправителем царю Михаилу во всех делах мирских. И в грамотах их имена являлись рядом...

Алексей. Дед освободился из плена благодаря «вечному докончанью» с Польшей — и мы тот договор чтим и храним. Великое благо — тишина... А ныне мы тяготимся этим благом — не дивно ли, отче?

Стефан. И было в те поры на Руси два великих государя: государь царь и государь патриарх. И было меж ними полное душевное согласие...

Алексей. Очнись, отче! Не думаешь ли, что я примирюсь с патриархом Иосифом, да еще и подарю его титулом «великого государя»?!

Стефан. Ни, государь! Сия шапка ему не по уму... Сбирается Иосиф в ту дальнюю дорогу, по которой все уходят и никто не возвращается. Немоощен и глуп Иосиф, тебе же надобен в патриархе муж в полной зрелости, дабы мог заменить и отца духовного, и отца родного!

Алексей. Нельзя обрести отца второго, потеряв первого и единственного... Отче, а чем все же ответить на послание к нам гетмана Богдана? Ума не приложу!..

Стефан. Сам видишь, государь, у нас своих забот полон рот. И гетмана обижать

невозможно: запорожское воинство самолюбиво и буйственно... И короля прогнать нельзя!

А л е к с е й. Войско казацкое — доброе, да ведь Корона Польская сильнее... А мы, отче, долго ли будем взирать на муки наших единокровных?!

С т е ф а н. Единокровных и единовѣрных!..

А л е к с е й. Нечего делать, отпишем гетману что можем. Зато уж королю — чего хотим! Богдану ответим так: «Доброе хотение ваше служить нам со всем запорожским войском — жалуем и одобряем. Но послать вам рать нашу на помощь против ваших неприятелей не можем, потому что вам, гетману, и самому хорошо известно, что у нас с Польшею уже давно учинено «вечное докончанье», которого нарушить (*вздыхает*) невозможно». В самом-то деле, Стефан, могу ли нарушить договор, освободивший от плена деда моего, вернувший отцу отца?! Да и то: нарушив договор, как оправдаемся?! И где возьмем денег на великую войну с Польшей — а война станет неизбежною?!

С т е ф а н. Договор дороже денег, ибо охраняет мир, спасая от пролития крови невинной...

А л е к с е й. А гетману крови не жалеть — ему Украину спасать!.. Королю отпишем совсем иное: «Мы, великий государь царь и самодержец всея Руси, требуем от Короны, чтобы казнены были смертию авторы книг, напечатанных в Польше, где

нанесено бесчестие московским государям через искажения и усечения титула нашего! И за такое бесчестие чтобы Корона вернула нам города, уступленные нашим отцом, благочестивым государем Михаилом Федоровичем». Вот такое письмо отошлем Яну Казимиру!

С т е ф а н. Государь, заведомо невозможного требуешь и ожидаешь от Короны Польской!

А л е к с е й. И не ожидаю ничего, но требую всего, отче! Вот головоломка для панов! (*Смеется, но вдруг смолкает, видя явление Никона.*) Отче Никон...

Н и к о н. Спасово слово воистину безгрешно, великий государь, а он говорит: «Потому и признают вас учениками моими, что в любви пребудете, заповеди мои соблюдая». Воистину любовь не есть предмет для человеческого рассуждения, каковы иные предметы — богатство и нищета, благородие и злородие, высокоумие и скудоумие, качество и количество. Ибо любовь подобна свету солнца, во все концы Земли достигающему. Не погреша изреку: любви и начало, и бытие, и конец — Христово пришествие!

А л е к с е й. Ангел...

Н и к о н. Любовь человеческая есть стремление к единству и согласию, а ненависть есть плод разрыва и несогласия. А что во многолетии вселенских патриархов поминать велишь, то зело благо ты, государь, надумал. (*Исчезает.*)

А л е к с е й. Ангел, а не человек!

Сцена вторая

Проповедь Паисия Иерусалимского

Молодые протопопы Аввакум и Даниил.

Д а н и и л. Идет патриарх! Глянь! Клубокто у него — неведомо какой!..

А в в а к у м. Видимо какой — рогатый, сиречь — греческий! Отойдём, отче, неча на паву глазеть. Отец Иоанн без нас и обедать не станет...

Д а н и и л. Не хлебом единым сыт человек! Патриарх Паисий Иерусалимский не чи-

тает, как мы, грешные, но от себя говорит, изо уст в слух всем людям! Поучимся, отче!

А в в а к у м. У греков чему доброму научишься?

Д а н и и л. Помолчи, Христа ради!

На авансцене появляется Паисий, обращаясь мимо обоих протопопов прямо в зал, к зрителю.

Паисий. Нынче, в День Пятидесятницы, хочу поговорить с вами, детьми божьими, о важности и спасительности крещения, отчего произошло и самое наше с вами название — христиане. Увы, некоторые из вас этим названием пренебрегают. Пошто, обращаюсь я к знатным, нарицаете себя не христианами, но боярами? Не детьми божьими, но детьми боярскими? Пошто только низших себя, меньших братьев своих называете сим небесным званием — христианами, то бишь крестьянами? И этим, мнится вам, якобы их осуждаете, хотя от их трудов хранилища ваши наполняете и себя пространно питаете! *(Переводит дыхание.)*

Даниил *(шепотом)*. Во обличает!

Аввакум *(шепотом)*. На Москве — можно, обличал бы в Костроме...

Паисий. Между тем всякая душа, не именующая себя христианской, есть вдовица, лишившаяся жениха! Устыдитесь, знатные, изыдите от мрака гордыни и самомнения! Спаситель не стыдился нарицать нас своею братиею, так вам ли стыдиться подручных своих? И еще глаголю: через крещение священники сынами божьими равно творят и вас, и рабов ваших. Кто же вы, посмевающие из сына божьего сделать раба своего?!

Даниил. Смелый поп!

Аввакум. Прилетел да улетел, вот и смел!

Даниил. И я бы осмелился, дак ведь нам не позволят!..

Паисий. И у простых людей многое подлежит исправлению: недуги пьянства, сребролюбия, блудодеяния, лицемерного человекоугодничества, небратолюбия, несогласия! Ох, горе! Таковыми злыми делами люди Творцу своему досаждают и на прекрасное имя христианское хулу от иноверных наносят!

Даниил. Чистую правду говорит святитель...

Аввакум. Ой, Даниил, ты к концу станешь греком вместо русского!

Паисий. Остановлюсь на лютой болезни пьянства, братия. Святые отцы различают двойное пьянство, равно омрачающее наш ум. Первое — омрачение от страсти, страха и уныния, приводящих душу в иступление и угнетающих наши мысли. Второе же пьянство бывает от невоздержанного и безмерного восприятия вина. Срам для нашего горного, бесплотного ума самовольно омрачаться влияниями тела и не иметь светлости в мыслях! Срам и для царя — терпеть таковое убожество выгоды ради!

Аввакум. Ох, беда душе моей — тело просит еды, а ум подсказывает, что еда уже на столе...

Даниил. Не валяй дурака, отче!

Паисий. Презрим временное, братия, ибо мы призваны к вечному пиршеству, уготовленному для нас на небеси!

Аввакум. Ни, патриарше. В доме батьки нашего, отца Иоанна!

Паисий. Поистине, здесь — плач, там — веселье!

Аввакум. Поистине так!

Паисий. Здесь — путь, там — жилище! Здесь — желания, там — исполнение желаний!

Аввакум. Ох, верно!

Даниил. Не кощунствуй, отче!

Паисий. Престаньте же от злоб ваших! Научитесь творить добро! В смиренномудрии каждый свое дело и свой талант, врученный от Бога, да делает! И держащий скипетр да не втуне свой меч носит, но на отмщение злых, расхищающих стадо Христово! *(Исчезает.)*

Даниил. Уф! И царю сказал упрек!

Аввакум. А что ему царь? Патриархи царей на царство благословляют...

Сцена третья

У царя

Входят Стефан и Монах.

Стефан. Государь, я нашел монаха!

Алексей. Давно ли из Новгорода, отче?

Монах. Ни, государь, с месяц на подворье стою.

Алексей. Позвали мы тебя, чтобы по-

слушать о делах новгородских, о жизни святителя Никона.

Стефан. Говори, как на подворье сказывал.

Монах. А что скажу великому государю о Никоне-митрополите? Ангел, а не человек! И в обычное время щедр на милостыню, а ныне к нам царь-голод пришел, так он, святитель, не щадит ни хлеба, ни денег, да и в своем доме кормит каждый божий день голодных — по сто человек и более!

Алексей. Правда ли, будто святитель Никон устроил богадельни для бедных, престарелых, вдов и сирот?

Монах. Правда, и посещает их, по нескольку часов проводит в утешительных для тех людей беседах. И темницы посещает! Зело сердится, ежели кто сидит несправедно от рук сильных мира сего! Радуйся, великий государь, что во дни царствования твоего послал тебе Бог из духовного чина такового человека!

Стефан. Поведай государю, как святитель Никон службу ведет в соборной церкви!

Монах. Обычай у преосвященного митрополита такой: после литургии, наипаче во дни недельные и праздничные, проповедует он народу слово Божие. Яко огнем разжигает сердца!

Алексей. А признайся, отче, не в тягость ли духовным и прихожанам долгие службы преосвященного Никона? У нас бояре жаловались, да и сами греки говорили: «Дай ему Бог умеренности!»

Монах. Но, государь, святитель Никон богато украсил церковь и одел священников богато, чтобы им от всех людей почитаемыми быти! На красоту такую никто и не устает глядеть! А пение-то у него в соборной греческое да киевское, до того слуху людей приятственное — слушал бы и слушал без конца! На клиросах собраны певчие предивные, с голосами преизбранными, поют же по нотам одушевленно, паче органа бездушного! Великий государь, ни у кого такого пения, яко же у митрополита Никона, не было и нет!

Стефан. А знаешь ли нечто о посещении святителем Никоном Хутынской обители?

Монах. Как не знаю, слышал. В Хутынской же обители доживает свой век

бывший митрополит Новгородский — старец Афоний...

Алексей. Будучи митрополитом, Афоний многожды умолял нас освободить его от бремени митрополитчества по старости и нездоровью. Наконец мы его просьбу удовлетворили.

Стефан. Афоний в свое время поставил Никона в игумены Кожеезерской обители.

Монах. Твоя правда, отче Стефан, и старец Афоний, едва в келью к нему вошел Никон-митрополит, узнал его и попросил у него благословения. Никон отказывался, сам-де пришел за благословением, и тогда Афоний сказал: «Благослови мя, патриарше!»

Стефан. Не патриарх он — митрополит! Спятил Афоний!

Монах. Вот и Никон также возразил: «Ни, отче святой, аз грешный митрополит, не патриарх». Афоний же, великий государь (*переходит на шепот*), тут и предсказал Никону: «Будешь патриарх! Благослови мя!» И Никон боле не отказывался... (*Исчезает.*)

Алексей. Что скажешь, Стефан?

Стефан. Будь по твоему — верни Никона в Москву.

Алексей. Ах, Никон! Теперь и понятно, отчего бедные протопопы наши терпели позор и неудачу... Ах, Никон — умница!

Стефан. Житие Никона — свято. В наше время, бедное святыми, не имеем не только равного ему архиерея, но хотя бы и подобного! Идеже страх — страх, идеже честь — честь!

Алексей. Украсил службу — и всех привлек, заманил, растрогал! И никаких тебе взбесившихся слонов...

Вбегают Федор Ртищев.

Ртищев. Беда, государь! Псков и Новгород пламенем объаты! Восстал народ! Во Пскове убит воевода, заточен архиепископ!

Алексей. Что с Никоном, Федор?!

Быстрым шагом входит, опираясь на патриарший посох, патриарх Иосиф.

Иосиф. Дурны вести из Новгорода, государь!

Алексей. О мятеже мы уже знаем. Что с Никоном, патриарше?!

Иосиф. У воеводы Хилкова не стало

средств противиться мятежникам, Митрополит Никон решился действовать оружием духовным. В день Алексея, человека Божия, когда ты, великий государь, ради ангела своего виноватых людей из тюрем отпускаешь, — в этот самый день Никон с амвона соборной церкви поименно проклинал мятежных правителей! В такой праздник ведь жалуют, государь, а не проклинаят! Смutilась толпа и, обезумев, затоптала святителя Никона — упокой, Господи, его душу!

Алексей. Не верю! Нет! Не верю!

Ртищев. Патриарх Иосиф не совсем верно изложил дело, государь...

Иосиф. Скажу о причине бунта. Покойный решился соборную церковь перестроить, но мирские люди пришли к нему с шумом и говорили по справедливости: «Многие власти и прежде были, а старины не портили! Мы тебе ничего старого в соборной церкви переделывать не дадим!» Подвязы из церкви выбросили, а мастеров, которые собирались стены ломать, хотели бить, да те спрятались...

Ртищев. Подробности — после, после, государь, главное — жив святитель Никон, жив! Живой, а не затоптанный насмерть! И письмо к тебе, государь, есть от него! *(Передает царю свернутое трубочкой письмо.)* А тебе бы, патриарше, наказать смертью того, кто о смерти Никона наврал...

Иосиф. Так жив Никон?! Видели же люди, что у него кровь пошла горлом, да еще из носа, из ушей! Замертво унесли его в дом архиерейский, новый, им же построенный роскошно...

Ртищев. Было, было так, но Господь даровал святителю Никону прежнее здравие и силу.

Алексей *(прижимая свиток к груди).* Слава тебе, Господи! Жив, жив!

Иосиф. Кто пережил свою смерть, тот всех нас переживет! *(Хочет уйти.)*

Алексей. Ну уж нет, патриарше! Вернись! Послушай, что сказано в послании к нам отца нашего Никона!

Ртищев. Из Новгорода прибежал раскаявшийся мятежник, Федька Негодяев. Много разного показывает, государь.

Алексей. Ты прав, Ртищев, прав! Главное — жив святитель! *(Разворачивает свиток.)* «Они меня ухватили со всяким

бесчинием, ослопом в грудь ударили и грудь расшибли, по бокам били кулаками и камнями...». Где сей Негодяев? Казнить его! Всех воров схватить да повесить!

Ртищев. Всех не перевешаешь, государь, а от Федьки Негодяева польза, пока он живой и здоровый. Показывает, что мятеж начался со Пскова. Слух прошел, государь, будто ты повелел весь хлеб продать немецким да шведским торговым людям, отчего и стало голодно во Пскове и Новгороде. И еще будто послал рать для охраны тех немцев и шведов. Вот и пришли всяких чинов люди к воеводе, требовать пороху и свинцу. «Зачем? — спросил воевода. — Разве что опасное из-за рубежа слышно?» А стрелец Коза отвечал: «Из-за рубежа не слышать ничего, но боимся московского рубежа. С немцами войны нет, но нам те немцы опасны, которые с Москвы идут по наши головы». А митрополита Никона никто бы и пальцем не тронул, да воевода Новгородский, испугавшись мятежа, по городской стене убежал из своего дома в дом к Никону, который и укрыл бедного. А толпа обезумела...

Алексей. Я знал, знал, что Никон невиновен! Знаю, что народ не против Никона! *(Снова читает письмо Никона.)* «Милостивый государь царь и великий князь Алексей Михайлович, уподобись милостивому и человеколюбивому Богу! Как будут тебе мятежные о своих винах бить челом — прости. А я, уговаривая их, в твоей милости ручался...». *(Пауза.)* Ангел, а не человек! *(Читает дальше.)* «А если б не так уговаривал, то бы все отчаялись за свое плутовство и на большее бы худо решились...».

Ртищев. Пошли, государь, в Новгород нового воеводу, да такого, чтобы во всем слушался Никона, словно бы тебя самого, великого государя.

Алексей. И опять ты прав, прав, Федор! Пошлем князя Хованского. Отцу же нашему Никону ответим так: «То, что ты, богомолец наш, делал, — все ты делал правильно, ревнуя по истинной Христовой вере. И мы, великий государь, тебя за твое радение и крепкое стояние и многое страдание милостиво похваляем. И тебе бы и вперед ко всесильному Богу обеты свои исполнять и добрым делам ревни-

телем быть. Как начал, так бы и свершал!»

Стефан. Как начал, так бы и свершал...
Алексей (Иосифу). Тебе, патриарше, будет такова наша воля: сзывай новый Собор, да такой, чтобы перемены церковные, вводимые митрополитом Никоном с нашего разрешения, были бы на Соборе утверждены и твоим патриаршим Уложением освящены! Несогласия в церкви мы не потерпим!

Стефан. Государь! Преосвященный Иосиф со своими духовными — волки и губители нашей России! Сколь времени правит патриарх Иосиф, а все у нас церкви Божьей в настоящем виде нет!

Иосиф. Великий государь! На такие ложные клеветы бью тебе челом по силе Уложения, присуждающего смертную казнь за хулу на соборную и апостольскую церковь!

Алексей. Смертной казни требуешь?!
Иосиф. Требую!

Алексей (тихо). И не стыдно тебе, преосвященный, требовать, стоя пред царем? Да и чего требовать — казни царского духовника! Откажись, святитель!

Иосиф. Стар и немощен я, во всем тебе покорен, государь. Скоро уж уйду навсегда — и вспомнится тебе непрекословный Иосиф, еще как вспомнится! А пока жив, скажу тебе, великий государь, слово заветное и последнее: начнете переменять — конца переменам не будет! *(Уходит.)*

Алексей. Ты прав, Федор. Главное — жив святитель Никон. Стефан Вонифатьевич, верни-ка святителя скорым образом на Москву... Пускай послужит нам в нашей домашней церкви... Видеть не могу рожу Иосифа!

Сцена четвертая

В Чигирине у Хмельницкого

Гетман, писарь Выговский и митрополит Иоасаф.

Хмельницкий *(размахивая письмом под носом у митрополита).* Ха-ха! Он хранит ему верность! Было бы славно, если бы верность была православному и единокровному! Так нет же — врагу православных! Что думаешь об этом, отче Иоасаф? Ты же бывал в Москве...

Иоасаф. О ком изволит говорить гетман?
Выговский. Судя по письму — о царе московском...

Хмельницкий. О ком же еще? Мальчишке лет двадцать от роду, а он благоразумен, как старец. И как боится Короны Польской!

Иоасаф. Его отец и дед немало претерпели от Короны...

Хмельницкий. Царь Алексей Михайлович не желает нарушить «вечное докончанье»! Уж не в память ли об освобождении из плена его деда — Филарета?!

Выговский. Царя можно понять...

Хмельницкий. Понять? Царь писал

трусливое письмишко, а мы уже сражались, да так, что Корона Польская села королю на уши! Где договор, подписанный Яном Казимиром?

Выговский. Не кричи. При мне договор.
Хмельницкий. И ты боишься?! Читай, пан писарь, да во всю глотку, чтобы войско запорожское слышало и знало!

Выговский. Подчиняюсь, пан гетман. *(Извлекает свиток, разворачивает и читает.)* Первое: Войско запорожское остается при всех своих давних вольностях и будет увеличено до сорока тысяч человек!

Невидимое войско. Гетману — ура!

Выговский *(поморщившись).* Второе: Чигирин с округом отдается гетману Хмельницкому и навсегда остается за гетманами Запорожского Войска!

Войско. Ура! Ура!

Выговский. Третье: место в сенате король позволяет иметь митрополиту Киевскому!

Войско. Ураа-а!

Выговский. Хватит читать! Сколько лишнего шума, а ведь сейм еще не утвер-

дил договор. Папа Иннокентий Десятый уговаривает короля не утверждать статей по делам веры...

Хмельницкий. Сейм утвердит! Пошлю послов в Варшаву — и утвердит! С Польской Коронай — мир. А ты, святитель Иоасаф, будь верным другом — вновь опояшь меня мечом, освященным на гробе Господнем. Прошлый раз ты принес удачу запорожскому войску!

Иоасаф. В какой поход собрался ныне, гетман?

Хмельницкий. На Москву, отче!

Иоасаф. Что?! Не верю ушам своим!

Выговский. Пан гетман изволит шутить...

Хмельницкий (смеется). Какие, к черту, шутки? (Зло) Разорю столицу трусливого царишки!

Выговский. Не дури, гетман, не дай Бог — услышит царь на Москве!

Хмельницкий. А что — доносчики уже скрипят перьями? Нехай скрипят, иуды! А я и хана крымского с собой возьму — разорим московские города! Не хочет нас с добром принять — примет с огнем и мечом!

Иоасаф. Не будет моего благословения на такое еретичество! Не воевать тебе с самодержцем всея Руси, но учиниться работником его царскому величию, на том и крест Христов целовать и быть готовыми головами своими, куда царь изволит!

Хмельницкий. Да не принимает же царь Украину под свою высокую государскую руку! Шесть лет умоляем его!..

Является патриарх Парфений.

Парфений. Мы, патриарх Константинопольский вселенской греческой церкви вопрошаем тебя, гетман: за что хочешь воевать московскую землю?

Хмельницкий. Имею недружбу к царю за то, что посылал бить ему челом о помощи на недруга своего, на короля поль-

ского, — и государь не только не изволил подать помощи мне, но и грамоты мои к королю отослал! Так-то, владыко Парфений! **Парфений.** Мы молим и просим у Господа Бога о многолетнем здравии благочестивого царя, ибо русский царь есть единственный в целом мире представитель, опора и охранитель всего вселенского православия! И вам, гетману со всем своим запорожским войском, достойно помощь всякую государю чинить, чтобы все православные христиане были в соединении! Если же ты, гетман, такое злое свое дело учинишь и пойдешь на государеву землю войною, то не будешь христианин и милость Божия не будет на тебе в сем веке и будущем! (Исчезает.)

Выговский. Слушай, пан гетман, что тебе святые люди говорят!

Является патриарх Паисий Иерусалимский.

Паисий. Знай, гетман! Буде на Московское государство начнешь давать помощь крымскому хану, то все мы, вселенские патриархи, собравшись, учиним Собор и предадим тебя проклятию, и христианином тебя называть не будем! Слушай, гетман! Со всем своим войском учини царскому величеству всеконечную покорность! Поклонись великому государю, ибо христианский государь под солнцем один! **Хмельницкий (падая на колени).** Приказу отца моего духовного, блаженнейшего Паисия, патриарха Иерусалимского, ни в чем не преслушаю. (Плачет.) Все исполню, патриарше! Только бы благочестивый государь Алексей Михайлович, самодержец всея Руси, наше челобитье не презрел... Изволил бы взять под свою высокую государскую руку... А мы-то ему клянемся, мы-то хотим быть его верными слугами! (Вскакивает.) Господи, нет у нас силы, чтобы без святой Руси разорвать свои оковы!

Сцена пятая

В келье Иоанна Неронова

Неронов. Между царем Михаилом и патриархом Филаретом царило согласие, согласие же властей ведет к благополучию государства. Ныне между властями согла-

сия нет, царь в раздоре с патриархом... И что же?

Даниил. Что, батько?

Неронов. А то, Данилушка, что, поль-

зуюсь нашей бедой, иноверцы заплонили Святую Русь! Сколько на Москве немцев, не чтящих наших святынь! Нам унижение, им же — почет и возвышение. Уже и наши живописцы показывают святых не так, как показывали от века...

А в в а к у м. Верно, батько! Ныне пишут Спасов образ, а лицо одутловато, уста червонные, власы кудрявые, руки и мышцы толстые, персты надутые, тако же и бедра толстые! И весь яко немчин брюхат! Только что сабли при бедре не хватает. *(Смеется. Мрачнеет.)* А ведь Христос, Бог наш, тонкокостны чувства имел...

Д а н и и л. Ну, брат, сказал!

Л о г и н. Грубый ты, Аввакум. Прости мое замечание, но тонкокостные чувства требуют и речи тонкой, приличной предмету...

А в в а к у м. Не позазри просторечию моему, отче Логин, Господа ради прошу. Говорю просто, понеже люблю свой русский природный язык, а виршами философскими не обык речи красить...

Л о г и н. Да не в виршах дело! Вот обругал ты немецкие иконы: мол, образ должен быть честен. Но ведь первообраз честнее любой иконы — и русской тоже. Что сделано руками человеческими, то можно ли почитать, как самого Господа нашего Иисуса Христа?! Рек же апостол: «Но как они славу почтенного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, то и предал их Бог их нечистоте».

А в в а к у м. Прости, батько, но я, грешный, не токмо за образ Спасов, но за единый аз в имени Господа умереть хочу!

Н е р о н о в. Каким языком с Богом говорить, Логин? Или забыл, что апостол Павел рек: «Аще языки человеческими глаголю и ангельскими, любви же не имам, — ничто же есмь!» Аввакум любит Господа нашего — чем же ты его попрекаешь? Аввакумушка, отныне помогай мне в службах, а отъеду куда — и церковь Казанскую на тебя оставляю. Можешь и проповедь на паперти сказать — доверяю!

А в в а к у м. По гроб жизни не забуду твоей милости, батько!..

Пауза

Н е р о н о в. А теперь вернемся на первое. Кроме немцев поучают нас и киевляне, и греки — слетелись на Москву, словно мухи на мед! И проповедуют одно: все русское — богопротивно, все греческое —

богоугодно! Книги русские правят по греческим, якобы наши древние книги неправильны...

Д а н и и л. Книги наши верные, батько!
А в в а к у м. Книги-то безвинны, да людишки и пастыри — виновны!

Д а н и и л. Я ли пред паствой виноват или паства предо мной? У меня ли бока намяты — или я кому намял?

Н е р о н о в. Дети мои, не все пастыри и не все людишки виновны, но есть особо виновные — те, что прежде с нами заединщиками были, а ныне с греками против нас! Были ко грекам подозрительны, а стали почтительны! И храмы русские перестраивают, как Никон-митрополит в Новгороде...

А в в а к у м. Никон-то из моей земли вышел, его деревня недалеко от моей родины, верст с пятнадцать — Низовкой зовут...

Н е р о н о в. Что с того! Рек же апостол: «Они вышли от нас, но не были наши, ибо если бы они были наши, то остались бы с нами, но они вышли и через то открылось, что не все наши».

Л о г и н. Слышал я, будто новгородские людишки убили Никона?

Н е р о н о в. Не токмо не убит, но возвращаем из Новгорода на Москву — служить в царской домашней церкви... Пошто молчите? Или не поняли тайного смысла того, о чем сказал вам? Логин!

Л о г и н. Тайного не разумею, отче.

Н е р о н о в. Данила!

Д а н и и л. Не разумею, батько.

Н е р о н о в. Аввакум!

А в в а к у м. Хитростей придворных не ведаю...

Н е р о н о в. Бедные мои дети, вспомните-ка, кто в доме царя служит по обычаю?

Л о г и н. Патриарх служит.

Н е р о н о в. То-то, что патриарх!

А в в а к у м. Неужто Иосифа при жизни сменить хотят?

Н е р о н о в. Сам Иосиф об этом говорил...

Л о г и н. Но нет же правила, чтобы патриарха при жизни сменить!

Н е р о н о в. Верю и надеюсь, что такого срама на весь Божий свет не произойдет.

А в в а к у м. Надежда — государь...

Н е р о н о в. Да патриарх-то не надежен!

(Пауза.) Иосиф-то болен, готовится Богу душу отдать... А кто на свято место сядет, как умрет Иосиф?!

Л о г и н. Соберется Собор и назовет две-

надцать достойных, из которых и выберут одного — но кого? Кто знает!

А в в а к у м. Батько знает!

Д а н и и л. Кого, батько?

Н е р о н о в. А того Собор выберет, кого царь-государь хочет! И взойдет на престол некий человек, твердо веривший во все, во что мы с вами веруем, а ныне переменявшийся! И станет сему человеку неприятно видеть пред собою нас, верных, ибо —

живой укор совести его! И человек, изменивший себе, не изменится ли к бывшим друзьям своим? Будучи добрым да ласковым, не станет ли вдруг немилосердным и жестоковым? Эх, горюны мои, знали б вы, чем играют сильные мира сего...

А в в а к у м. Чем же, батько?

Н е р о н о в. Головами нашими, Аввакумушко...

Сцена шестая

Ответ новгородцам

Ртищев и царь.

А л е к с е й. Ты прав, прав, Ртищев! Главное — жив святитель Никон, жив наш отец! Жду его возвращения...

Р т и щ е в. Мятежники прислали тебе, государь, челобитную, но прямого признания вины пред тобой в челобитной нет и рук ничьих также нет, а кто писал — неведомо. И просят тебя не отдавать новгородского хлеба за рубежи, потому что самим голодно...

А л е к с е й. Надо бы сурово наказать воров, да нельзя, святитель Никон не велел... Отвечай так. «В челобитной вашей сказано, чтоб нашего хлеба в шведскую землю не отпускать. А нам, великим государям, холопы и сироты наши никогда не указывали и вперед не указывать бы. Мы, великий государь, с Божьей помощью сами ведаем, как государство наше оберегать и править!»

Р т и щ е в. Да и как это ссылке и всякой торговле не быть? Мы им — хлеб, они нам — пушки...

А л е к с е й. Отвечай далее: «Хотя бы вам в хлебе и прямое оскудение вышло, так вам бы надобно было не шуметь, но бить нам челом, и мы, великий государь, приказали бы привезти к вам хлеба!»

Р т и щ е в. Вместе с челобитной новгородцы прислали тебе всевозможные подарки...

А л е к с е й. Ах, воры! Отвечай так: «А что вы прислали дары, то тех даров принять не довелось, потому что вы вины своей нам не принесли. Посылаем в Новгород нового воеводу, князя Хованского. Если же вы его не примете и не будете его слушаться, то мы пошлем бояр и воевод со многими ратными людьми и велим учинить над вами, новгородцами, большое разорение!»

Сцена седьмая

Мольба

Царь, Стефан и Никон. Является Хмельницкий.

Х м е л ь н и ц к и й. Великий и благочестивый государь Алексей Михайлович! Нет у нас сил, чтобы самим, без твоей высокой государственной руки разорвать свои оковы! Презрев наше посольство миролюбивое,

король польский и сейм решили воевать против казаков. Вместе с нами шел на ляхов и прежний наш союзник — хан крымский. Но едва началась битва при Берестечке, как бусурманский хан изменил нам, внезапно отступив со всею своею ордой на три версты. Войско запорожское потерпело страшное поражение!

Поляки опустошают Украину! Паны нагрянули в прежние свои имения вместе с извергами-арендаторами — и вот уже целые селения поднимаются с места, складывают на возы свои пожитки, жгут свои хаты и бегут от ляхов и жидов в привольные южные степи твоей Московии. Великий государь, смилуйся! *(Падает на колени и исчезает.)*

А л е к с е й. Страшно слушать старого гетмана! Но и нам воевать с Короной Польской невозможно. Что же делать, что же нам делать, Стефан Вонифатьевич?

С т е ф а н. Прошло время моих советов, государь. Молчу и жду, что присоветует святитель Никон.

Н и к о н. Писарь запорожского воинства Иван Выговский тайно сообщил нам более того, что узнали мы из послания самого гетмана. Великому полководцу, верно, стыдно, ведь попал в ловушку из-за собственной горячности. Он, государь, узнав об отступлении хана, сам отправился к хану с двумя всадниками. Ну, хан его и задержал у себя, да продержал целую неделю, пока войско запорожское, оставшись без вождя, было рассеяно поляками и уничтожено...

А л е к с е й. За такую правдивость писаря Выговского поощрить дорогими подарками, чтобы и впредь тебе, святителю, писал... Но делать-то что, отче? Решаться ли

нам на войну за единокровную Украину? **Н и к о н.** За единоверную Украину и кровь свою пролить никак не жаль. Да пока еще не время, государь.

С т е ф а н. Вот, вот! И я также думаю, что не время!

Н и к о н. А тому время, государь, чтобы ты беглым черкасам позволил остаться в твоих южных степях. Пущай себе строят и села, и городки. А если и самому гетману с войском приспичит — дозвожь и ему укрыться на русской земле, пределы которой Ян Казимир едва ли осмелится нарушить. Ему ведь также не время еще воевать. Папа римский прислал королю, правду сказать, свое благословение, но в деньгах отказал. Так что беглых черкас принять можно, да и совесть того же требует...

А л е к с е й. Долго ли еще Украине ждать своих освободителей, отче?

Н и к о н. Мнится мне, Господь скоро объявит нам свою волю.

А л е к с е й. Да будет тебе ведомо, отче: недавно приходили к нам уполномоченные короля, но я их не велел принять оттого, что в своих бумагах они полного царского титула недописывали. И мы, великий государь, за такое нам бесчестье намерены требовать от Яна Казимира казнить виновных смертью!

Сцена восьмая

Тайная вечеря у патриарха Иосифа

Сцена освещается только лампадой у большой иконы Христа да свечой в подсвечнике под рукой Иосифа. Монахи сидят вокруг него за столом. Полутьма. Число монахов произвольно, потому что лиц разглядеть нельзя, слышны только их голоса.

И о с и ф. Братия! Собрал я вас, дабы посоветоваться в тяжелое, последнее время. Были у нас прежде тяжести внешние, а ныне — внутренние, духовные. Давно ли полыхала Москва пожаром, а народ гневом? Давно ли толпа хватала за узду

лошадь великого государя, а беззащитный государь обещал, что определит на все места людей честных и приятных? Давно ли государь душевно советовался с нами о составлении свода законов, дабы Московского государства всяких чинов людям, от большого и до меньшего, суд и расправа были во всех делах всем равны? Нет, все было совсем недавно, но вспоминается уже как сон! Ибо ныне государь не только не советуется с нами, но требует и приказывает! Переменился государь, ибо место духовника Стефана занял рядом с царем Никон, коего мы своими ру-

ками, но по воле царской, поставили сначала из игумена в архимандрита, а недавно и в митрополита. Теперь же Никон-митрополит, вернувшись из Новгорода, не только по пятницам, как прежде, беседует с царем, но и каждый Божий день — и все делается царем так, как того хочет он, Никон. Вот! И ныне требует от нас государь собрать духовных на новый Собор, дабы непреклонно утвердить в церкви единогогласное пение и прочие лукавые новизны Никона...

Г о л о с. Николи такого бесчестья не было, чтобы, как ныне, государь выдал патриарха митрополиту!

Г о л о с. Мне к выбору о единогогласии руки не прикладывать! Наперед бы спросили бояр да окольных: любо ль им будет единогогласие?

Г о л о с. Великая беда — единогогласное пение! Боже, спаси нас и помилуй!

Г о л о с. Беда великая, да ведь еще больший грех — сопротивляться воле государя!

Г о л о с. Ты, ханжа, помолчи, ты молод, а уж был у патриарха в смирении — и еще будешь!

Г о л о с. Никон-митрополит силою приводит священников к греческому единогогласию. Виданное ли это дело — силою заставить Богу веровать?

Г о л о с. Лучше бы нам на новой земле за Сибирью пропасть, нежели с новгородским митрополитом быть! Силою заставляет говеть!

Г о л о с. Я и на Божий суд готов, только бы решилось дело против единогогласного пения!

Г о л о с. А ну как по жребию первым пойдешь на костер? Ведь сгоришь! Не святой же...

Г о л о с. Или одни святые на кострах спасались? Надеюсь не на святость свою, а на помощь властей небесных!

Г о л о с. Власти земные такового суда не допустят, испугаются. Знают ведь, что и сами ревнители благочестия не святые. У Ивана Неронова сын — вор и пьяница...

Г о л о с. Какие там святые! Сами себя называли «ревнителями благочестия», да только именем пастыри, а делом — волки, наречены учителями, а произволением своим — тяжкие мучители!

Г о л о с. Твоя правда, отче! Отдали паству

волкам на расхищение, а церковь Божью — на поругание!

Г о л о с. Благочестивый государь и Никон-митрополит очень любят греческие обряды... Что в этом дурно?

Г о л о с. Дурно не то, что ты, ханжа, молод, а то, что глуп! Греки хулят православие русской земли, но русская земля совершеннее в православии всех других земель!

Г о л о с. Я-то глуп, да ты умен ли? Вот и постельничий царя, Ртищев Федор Михайлович, для киевских учителей монастырь выстроил и сам у них киевской грамоте учится!

Г о л о с. А ведь в той грамоте и еретичество есть!

Г о л о с. Как не быть! На Москве кто не ведает, какой ценой киевские монахи за науку платили! Все отрекались от православной веры, хоть и на время, лишь бы в латинскую школу вступить!

Г о л о с. Когда был на Москве Арсений Грек, то и я хотел у него поучиться латыни, а как его сослал патриарх на Соловки, я и учиться перестал, и азбуку изодрал.

Г о л о с. Киевские старцы недобрые! И доброго учения у них нет. Теперь я угождаю им из страха перед Ртищевым, а впредь у них учиться ни за что не хочу!

Г о л о с. Кто по-латыни ни учился, тот с правого пути совратился...

Г о л о с. А пошто же ты, Костка, отпускаешь Озерова и Зеркальникова в Киев? Воротятся они в Москву, будет здесь с ними много хлопот!

Г о л о с. Верно, Лучка! И без того уже они всех укоряют и ни во что не ставят! Говорят про нас: мол, слушать у них нечего, враки они вракают, и какие, мол, из них учителя, когда сами учениками нигде не бывали?!

Г о л о с. Молоды, а уж такие ханжи!

Г о л о с. Старших ханжей в пример берут. И Никон ханжа, и Неронов Иван, а протопоп благовещенский Стефан — тоже ханжа! — сказал, будто Господа Саваофа видел. Беса он видел, а не Бога — ибо Бога кто может видеть во плоти?!

Г о л о с. Завели, ханжи, ересь новую — людей в церкви после службы учить! А мы прежде в церкви людей не учивали, а учили их втайне.

Г о л о с. Этим ханжам не довольно бого-

служения! Не довольно чтения богодухновенных книг! Им еще и от себя глаголить хочется, а ведь сие — гордыня и кощунство!

Г о л о с. Никон-ханжа исходит обильнейшей речью! Его сердце не болит о нежных детях, стоящих в храме на холоду с непокрытыми головками...

Г о л о с. А боярин-то Морозов Борис Иванович держит при себе отца духовного только для прилики людской, сам же киевлян жалует.

Г о л о с. Государь иноземцев жалует — что в этом дурно? Иноземцы гораздо навычны во многих надобных мастерствах и мудростях!

Г о л о с. Опять за свое, ханжа? Всех жалует государь, надобных и ненадобных! Начали шведским офицером и немецкой пушкой, а дошли уж и до латинской грамматики!

Г о л о с. Своих скоморохов затравили по всей Руси, а немецкого магистра комедийных действий с почетом в царском дворце принимаем!

Г о л о с. Себя, ханжи, веселят, а Русь веселую переделывают в Русь печальную!

Г о л о с. Где же себя веселят? Говори, да не заговаривайся. Свадьбу-то великого государя помнишь ли? Никакого веселья языческого, все было по христианскому обычаю, торжественно. Тишайшая была свадьба!

И о с и ф. Хватит уже вам говорить, братия! Все хорошо, что в меру. И скажу вам с печалью, что словеса ваши дерзкие виснут тяжким камнем на моей старческой вые. И будто бы тащит меня тот камень вниз, вниз... А и без того я не ведаю: успею ли волей божьей уйти в лучший мир патриархом? Враги мои, мнится мне, переменить меня, скинуть меня хотят! Терпения у них до моей смерти, вижу, не хватит... И потому скажу теперь мое к вам последнее, прощальное слово... Не ведаю, каков-то будет русский человек чрез тысячу лет, но только если ныне отымут у него веру святых отец наших, отымут нажитой и доставшийся нам по наследству скарб обрядов, обычаев и порядков, он, грешный русский человек, все забудет, всему разучится. И должен будет почти все начинать сызнова. Устрашившийся сего да не лишит детей наслед-

ства отцов! А кому ничего не страшно, тот во внуках, если уже не в детях своих, пожнет горькие плоды бесстрашия своего!

М о н а х и молча расходятся.

(Встает, идет к стене и берет в руки какой-то, видимо увесистый, сверток). Всякая вещь, как и всякая жизнь, тогда называется совершенной, когда со своим соединяется концом. Верилось мне, что завершу земной путь в почете и уважении. Не дал Бог мне этого счастья. Явились новомодные святители, им почет и уважение от государя, мне же, старому, что останется — как псу крохи со стола... А тебе, великий государь, достанутся по смерти неугодного патриарха Иосифа далеко не крохи! В одной келейной казне тринадцать тысяч четыреста рублей с лишком! А здесь у меня сосудов этих разных серебряных... *(Разворачивает тщательно завернутый в бумагу сосуд.)* И нет того сосуда, чтоб не впятеро оберчен бумагой или киндеком! Вот какое мое великое береженье того, что принадлежит церкви... Там блюда, тут сковородки, здесь кубки и стопы, а это тарелки... Все помню, ни единый келейник не входил сюда, не видел ничего этого и описи никакой не составлял... Все в памяти моей хранится! А умру — все останется, ничего с собой туда не возьмешь... Ох-ох-ох! Ведь помру — не ко мне прибегут, не ко гробу моему, а к этой казне церковной. И враз раскрадут!

Слышатся чьи-то тихие шаги.

Кто здесь? Какой вор осмелился?! Я жив еще!

А л е к с е й. Не пугайся, отче, не вор, но царь пришел.

И о с и ф. Прости, великий государь!

А л е к с е й. Я у тебя прощения и благословения прошу, отче. Помнишь ли пророчество инока Филофея, сказанное великому царю Ивану Васильевичу?

И о с и ф. Все-то я помню, государь!.. «Два Рима пали, третий — Москва, а четвертому не бывать».

А л е к с е й. Как думаешь, отче, что же нам делать, дабы сие великое пророчество исполнить?

Пауза.

И о с и ф. Отвечу тебе, государь, не своими

словами, но речью митрополита Филиппа к новгородцам, замутившимся против великого царя Ивана Васильевича: «И о том, дети, подумайте: Царьград непоколебимо стоял, пока в нем, как солнце, сияло благочестие, а как скоро покинул он истину да соединился с латиной, так и попал в неволю в руки поганых!»

Пауза.

Алексей. Аще и в неволе пребывая, светится греческая церковь правою верою!

И потому, желая наитеснейшего соединения с греческой церковью, мы, великий государь, просим тебя указать всем священникам: на многолетиях вместе с московским патриархом поминать и вселенских греческих патриархов. Да будут греческие патриархи признаваемы на Руси такими же православными, как и московские! Да будут у нашей церкви с греческой единство и согласие, рождающие силу, и да уйдут от нас разрыв и несогласие, рождающие слабость!

Сцена девятая

Покаяние

Царь, Никон, Ртищев, Стефан.

Алексей. Святейший патриарх Иосиф любит вспоминать послание митрополита Филиппа к новгородцам, восставшим против царя Ивана Васильевича. Именно то место в послании, где Филипп объясняет причину гибели Византийского царства: мол, слабость царства произошла от слабости веры. Пошатается вера — пошатается и царство!

Никон. Невинно убиенный Филипп писал чистую правду, государь.

Алексей. А русская православная вера ныне не пошатнулась ли? Не умножается ли с каждым днем число противников нашим переменам в обрядах и церковном порядке? Не усиливается ли ненависть к греческим учителям?

Стефан. Мое настроение твердое, государь. Греческая церковь строго православна, а если ее чин и обряд в чем несходен с нашим, то это потому, что у греков чин и обряд сохранился в древнем, первоначальном виде, от которого греки не сворачивали в пути ни направо, ни налево!

Ртищев. Русская церковь и впрямь задвигалась, государь, только я думаю, что сие не на погибель ей, а в укрепление! А что до противников, то ведь и всякому движению противится всякий, кто хочет неподвижным остаться. Когда лучшие люди духовного чина восчувствовали нужду в исправлениях и потревожили

давно неподвижную святыню обряда, они, правда, возбудили против себя негодование, но кто гневается? Мы замечаем сопротивление со стороны людей, неспособных к движению, закосневших в обрядовом застое!

Пауза.

Алексей (*смотрит на Никона*). Как же нам укрепить веру? Не отступить же нам от начатых перемен! Говори, святитель!

Никон молчит.

Стефан. Да ведь самую переменой со временем и свершится укрепление, ибо кто ныне обеспокоен, тот вскоре успокоится, признав новое за привычное...

Алексей. А вдруг и наоборот — грянет буря? А вдруг само-то собою все и развалится, и расколется, как лед на реке в лютую стужу?! Говори, святитель, твое слово будет последнее и окончательное...

Никон. Благо, что вспомнили митрополита Филиппа, ибо, мнится мне, через Филиппа укрепятся ныне и вера и церковь. Народ забыл своих святых — напомним ему! Торжественно, при звоне всех колоколов московских, перенесем гробы патриарха Гермогена из Чудова монастыря и патриарха Иова из Старицы в Успенский собор, государь. А самое наиважнейшее дело — перенести мощи святого

Филиппа-митрополита из далекого Соловецкого монастыря на Москву, в тот же Успенский собор, где покоятся все иерархи церкви русской!

Стефан. Статочное ли дело задумал, святитель?! Народ вспомнит святого Филиппа, но и то вспомнит, как умертвили его по приказу царя Ивана Васильевича!

Ртищев. Опасное дело, святитель. Встречающие колокола не станут ли призывающими народ к бунту?

Никон. С чего же быть бунту? Нет же никаких доказательств, будто царь Иоанн приказал Малюте Скуратову задушить сосланного старца. Нет, то враги оклеветали царя!

Алексей. Хорошо, святитель, но нет же и тому доказательств, что не приказывал царь!..

Никон. Есть, государь! Доказательством служит самый ход дела. Вспомни! Опричники клеветают на Филиппа, вызывая на него гнев царский, что легко, ибо митрополит смел в обличениях, а царь горяч в решениях. Враги добиваются быстрого суда и расправы над тем, кто требовал от царя уничтожения опричнины. Спустя время и пользуясь случаем, Малюта собственноручно задушил ненавистного для него старца...

Алексей. Святитель! В чем твоя мысль, не пойму!

Никон. Прошло три года, и внезапно, безо всякой внешней причины, царь Иоанн обрушил свой гнев на всех, кто оклеветал покойного митрополита! Все клеветники, из опричников и из духовных, все были казнены! Все, кроме Малюты...

Стефан. Вот-вот, я и говорю...

Никон. Сей палач избег казни лишь потому, что тогда же был убит при осаде крепости Витгенштейн. Всех губителей Филиппа постигло возмездие! Воистину: «Мне отмщение — и Аз воздам!»

Алексей. Если у великого царя не было к тому внешней причины, была, стало быть, внутренняя. И, однако, в силах ли наших заглянуть в душу покойного?

Ртищев. Одному Богу ведомо, святитель, о чем думал Иван Васильевич, казня клеветников Филиппа. Ибо ведь не покалялся!

Никон. Предполагаю, царю было видение, посланное Богом, однако тайна

сия воистину велика есть. Ибо не покалялся! Не отер невинную кровь от рук своих! За невольный грех прадеда вашего и выпало теперь при всем честном народе тебе, Алексей Михайлович, великий государь, каяться!

Алексей. Мне?

Стефан. Бог с тобою, святитель! Чтобы великий государь да всенародное покаяние приносил! Опомнись! От такого унижения царской власти будет и всей Руси унижение!

Никон. Покаяние не унижает, но очищает и возвышает кающегося! Два великих дара даны человекам: священство и царство. Одно служит божественным делам, другое владеет человеческими делами и печется о них. Оба происходят от одного и того же начала, и все молитвы к Богу постоянно возносятся о той и другой власти. Согласие властей — источник благополучия в государстве, несогласие же — источник всякого зла. Это-то согласие великий царь Иван Васильевич и нарушил! А ныне это согласие восстановит великий государь Алексей Михайлович! Чрез покаяние всенародное! Иного пути нет, нет и нет!

Алексей. Не довольно ли перенести с великими почестями мощи святого великомученика на Москву?

Стефан. Воистину — довольно! Упокоить его среди других святителей в Успенском соборе, отслужить всенародно молебен по этому случаю!

Никон. Ничто не делает столько успеха царству, как великое почтение к святителям церкви! Живая вода покаяния...

Ртищев. Надо знать и меру, святитель! Дело неслыханное, чтобы великий государь калялся...

Никон. Грех царства пред церковью должен быть искуплен! Лишь тогда воссияет вера и укрепится церковь. А всенародного покаяния вам бы не гнушаться, а помня исторические примеры. Византийский император Феодосий, послав за мощами Иоанна Златоуста, не гнушался писать молитвенную грамоту к святому, оскорбленному самой матерью кесаря!

Алексей. Отче! С сердцем спрашиваю тебя: надо ли нам возбуждать память о деле, бывшем давно и всеми уже позабытом?

Никон. Аз отвечаю: кем позабыто? Или думаешь, что у Бога короткая память? Бог-то прославил Филиппа святостью, но мирская власть до сего дня не принесла покаяния в грехе своем! Последуй, государь, примеру благочестивейшего кесаря Феодосия! Принеси покаянное слово, а мне, грешному, прикажи отправиться к Белу морю за мощами страдальца — аз готов к дальнему пути, даже если Бог судил мне погибнуть на суше или на море. *(Со скрытым намеком и угрозой.)* Помни, великий государь: без всенародного покаяния не будет веры и в то, что такое преступление не повторится!

Пауза. Все ждут решения.

Алексей *(поднимает глаза к небу; тихо, но твердо)*. Молю тебя, святой Филипп, и желаю пришествия твоего сюда, чтобы разрешить согрешение прадеда нашего царя Иоанна, свершенное против тебя нерассудно завистью и несдержанием ярости. Хотя я и неповинен в досаждении твоём, однако преклоняю сан свой царский за прадеда моего, против тебя согрешившего! Да упразднится поношение, которое лежит на нем за твое изгнание! *(Падает на колени — и все падают на колени.)* Нет уже более в твоей пастве никакого разделения, все единомысленно молим тебя: даруй себя желающим тебя! Приди с миром восвояси, и свои тебя с миром примут...

Действие второе

Сцена десятая

«Богомолец ваш...»

Никон *(пишет)*. «Великий государь, Алексей Михайлович! Богомолец ваш, смиренный Никон-митрополит, милостию Божьей, приехал с мощами святого Филиппа на Онегу под порог, где и встретил меня сотник Ларион Иванович с вашими государевыми грамотами. Принявши, тотчас прочел грамоты ваши — и за такую премногую твою государеву милость писать ко мне, богомольцу твоему, много времени пребывал от страха и радости в

слезах и изумлении... Пришед в себя, дерзнул тебе, государь, о себе грешном своею бедною рукою отписать, что жив есть, а дьяка — так уж Бог судил! — не стало, утонул в море, ладью его разбило. И с ним которые были люди — все потонули. Нашли останок ладьи переломившейся и также принадлежавшие дьяку иконы да подушки... О другом поведаю, когда Бог изволит очи твои государевы видеть...». *(Исчезает.)*

Сцена одиннадцатая

«Недостойн и во псы...»

Алексей *(отвечает Никону)*. «О крепкий воин и страдалец царя небесного! Возлюбленный мой любимец и содружебник! Святой владыко, моли за меня, грешного, да не покроет меня глубина грехов моих! Надеюсь на твое пренепорочное и беззловидное и святое житие, пишу тебе, как солнцу, сияющему по всему нашему государству

благими нравами и делами добрыми, собинному нашему другу душевному и телесному! Спрашиваем, как тебя Бог сохраняет, а про нас изволишь ведать, что мы, по милости Божьей и по вашему святительскому благословению, как есть истинный царь христианский называюсь, а по своим злым, мерзким делам недостойн

и во псы, — мы вашими святыми молитвами и с царицею, и с сестрами, и с дочерью, и со всем государством, дал Бог, здорово. Да буде тебе ведомо: Бог изволил взять отца нашего и пастыря Иосифа, и мы теперь, грешные, не ведаем, где главы преклонить, потому что прежнего отца и пастыря лишились, а нового нет... Возвращайся, Господа ради, поскорее к нам — выбирать станем на патриарше-

ство, чтоб Господь Бог наш дал нам пастыря и отца, какой ему годен, а по имени... ну, назовем его хоть бы и Феогностом — и мужа сего только три человека ведают: я, да Казанский митрополит, да отец мой духовный. И тебе бы, владыко святой, сие писание сохранить и скрыть втайне... А слово мое теперь во дворце добре страшно! И делается все по моему слову без замедления!.. » *(Исчезает.)*

Сцена двенадцатая

Накануне

Издалека слышен праздничный звон колоколов.

Никон *(размышляет)*. Завтра свершится!.. Исполнится, о чем аз, грешный, и не мечтал... Врешь, Никон! Еще в юности некий мордвин сказал: «Будешь царь или патриарх!» Не верилось, правда... Но ведь и не забылось!.. Малость самую не угадал мордвин, ибо буду и патриарх, и царь — подобно Филарету... Он-то был отцом царю, а я кто таков? Мужик! Неведомо где, неведомо у кого родился, Никиткой назвали, а мачеха едва в печи не сожгла — соседка услышала крик ребенка, спасла по случаю... Ну, не по случаю, а вышним промыслом! Сосчитайка, сколь много раз погибал, а Господь выручал? Хранил тебя для дня завтрашнего... Завтра встану вровень с патриархами греческими, вселенскими!.. На-кось, выкуси! Чего захотел, Никитка! У греков и престолов нет, а под твоей рукой великая Русь — и все одно греки выше, а ты ниже. Ибо они у истока, в их руках начало!.. И будешь патриархом всея Руси, да не вселенским... А надо бы — верой укрепляется единение православных, священство выше царства... Сие знал Филипп, оттого и жил гордо, и умер бесстрашно... Пошел против царя — и погиб... Кесарю кесарево, а Богу Богово. Земными делами цари правят, но власть божественную да почитают! Папу проклинаяем, а великие государи смиренно целуют папскую туфлю — отчего бы и нам не поучиться у папы чему

хорошему?.. О чем возмечтал, Никитка?!.. Завтра свершится! Великий государь станет молить мужика взойти на патриарший престол!.. Куда лезешь, мужик? Не в чистое небо лезешь, но в логово волков и медведей! Уж и теперь косятся бояре — не ндравится им пред мужиком шапку ломать!.. Воссядешь на престоле, Никитка, и будешь ты виден со всех сторон, одинок и незащищен. Кто охранит тебя? Веришь ли царскому слову, что не повторится преступление? Как не верить... Мужик всегда верит царю как отцу родному... Так ведь ты, Никитка, не мужик — сегодня ишо митрополит, а завтра... Про Собор-то я позабыл! Освященный Собор избирает патриарха — ему и защищать патриарха! Если угоден Собору... Стану из году в год собирать Соборы, будто для решения дел, а истинно — для поездки в царствующий град! *(Смеется.)* Дурак ты, Никитка! Рази это мыслимо — купить Собор? Да царь-государь мизинцем махнет — и Собор против тебя восстанет! Царская власть богаче и страшнее, ибо немилостива. Крепко запомнила Русь царскую руку Ивана Васильевича, с тех пор и приучены терпеть да молчать. Едва ли не поголовное истребление учинил Иван боярам, а боярство терпело и молчало. Опричная стая именем царя на всю землю русскую набросилась — вся земля терпела да молчала. Великий царь будто забыл, что отвечает пред Богом, великий народ будто забыл меру терпения и чувство боли, застыл

в оцепенении страха пред толпой озорников... Токмо Филипп заговорил было за свою паству, но скоро замолк насильственно... Тьфу, Никитка! Одна у тебя опора

и надежда — Господь наш Иисус Христос. Господи, помилуй! Не для того же ты хранил меня и вознес, чтобы бросить в бездну?!

Сцена тринадцатая

Унижение царя

Входит Стефан. Праздничные колокола звучат громче.

Стефан. Отче, пришел час — выбор пал на тебя! Отныне и по всю свою жизнь ты — патриарх. Иди к царю и Собору, зовут тебя...

Никон. Отче, передай великому государю и всему Освященному Собору: не буду патриархом!

Стефан. Святитель!

Никон. Отвергаюсь!

Стефан уходит. Входит Трубецкой.

Трубецкой. Святитель! Царь, бояре и Собор ждут и зовут тебя! Иди в церковь Успения и близ раки святого Филиппа прими клобук патриаршеский!

Никон. Княже Трубецкой, передай великому государю, боярам и всему Освященному Собору: не буду у вас патриархом!

Трубецкой. Скажи, чем объяснить твое отвержение?

Входит Ртищев.

Ртищев. Великий государь царь и самодержец всея Руси Алексей Михайлович повелел нам привести тебя, великий святитель, в церковь Успения хотя бы и против твоей воли!

Навстречу Никону идут царь, Стефан, митрополит Казанский Корнилий, протопопы Логин, Даниил, Аввакум. Царь кивает Корнилию.

Корнилий. По поручению великого государя и Освященного Собора мы, митрополит Казанский Корнилий, торжественно объявляем: патриархом Московским и всея Руси единодушно избран святитель Никон, митрополит Новгородский и Великолуцкий!

Никон. Отвергаюсь патриаршего сана, святитель.

Корнилий. По каким основаниям отвергаешься, святитель?

Никон. Бо неразумен есмь и к великому служению не годен.

Корнилий. Великий государь! По правилу Собор должен назначить новые выборы... *(Долгая пауза.)* Святитель Никон, спрашиваем вас: поистине ли отвергаешься патриаршества?

Никон. Истинно говорю вам — отвергаюсь.

Мертвая тишина. Все смотрят на царя.

Алексей. Умоляем тебя, великого святителя! Встань над нами патриархом Московским и всея Руси, встань... подобно солнцу, сияющему по всему нашему государству благими нравами и делами добрыми!

Пауза. Все смотрят на Никона.

Никон. Ни, государь, не могу. Великий государь, смилуйся!

Царь пошатнулся. Стефан и Ртищев бросаются к нему, но царь отстраняет их. По его лицу текут слезы. Внезапно зарыдав, царь падает пред Никоном на колени. За ним, рыдая в голос, валятся все.

(Со слезами.) Благочестивый государь! Честные бояре, Освященный Собор и все христоименитые люди! Если я угодил вам, чтобы быть у вас патриархом — дайте мне ваше слово и произнесите обет в этой соборной церкви пред Господом, что будете исполнять евангельские догматы, соблюдать правила святых апостол и святых отец и законы благочестивых государей! *Все, кроме царя, с облегчением кричат: «Обещаем тебе, святитель!»*

Сознаю важность предстоящих мне обязанностей и всю силу препятствий к их выполнению, а потому снова вопрошаю вас: обещаетесь ли слушать и меня как вашего пастыреначальника и отца крайнего во всем, что буду возвещать вам о догматах и правилах?

Мертвая тишина. Все испуганно смотрят на царя.

А л е к с е й. Обещаем слушать тебя, великого святителя, во всем, что будешь возвещать нам...

Н и к о н. Тогда, по желанию и по прошению вашему, не могу отречься от великого архиерейства!

Царь встает с колен, за ним остальные. Колокола звучат празднично и громко.

К о р н и л и й. Великий святитель, прими кlobук патриарха Московского и всея Руси! Облачись в патриархии одежды...

Н и к о н. Не принимаю!

Общее замешательство.

Приму кlobук и одежды патриархов греческих, вселенских! Отныне да будут они облачением патриархов Московских и всея Руси! (*Облачается.*)

Л о г и н. Смотри-ка, патриарх изменил одеяние наших предков!

Д а н и и л. И земля не колеблется под ним!

А в в а к у м. Доселе он одевался как русский, теперь сделал себя греком!

С т е ф а н. Если бы греческая одежда не была божественного происхождения, патриарх не стал бы носить ее!

Н и к о н (*будто услышав их разговор*).

Я — русский и сын русского! Но вера моя и убеждения — греческие!

Торжественный колокольный звон. Все, начиная с царя, подходят под благословение Никона.

Сцена четырнадцатая

«Память»

Келья. Свет через узкое оконце.

А в в а к у м. Егда приехал, с нами, яко лис, челом да здорово... Ведал, что быть ему в патриархах!.. Прикинулся слабым да добрым, чтоб откуле помешка какова не учинилась... Ах, как он при духовнике Стефане повздыхает-поплачет, овчеобразный волк!.. Едучи, по пути нищим золотые мечет!.. А мир-от слепой хвалит его: государь такой-сякой, миленький, не бывало такого от веку! Да что о тех кознях теперь говорить! Поставили его патриархом — он друзей не стал и в крестовую свою палату пускать... Уж не татарка ли его, супостата, родила? Там ведь, в Низовке, татар-то много... Да плюнуть на то! Кто не родил... Блядин сын от дел свое звание приемлет!

Входит протопоп Неронов.

Н е р о н о в. Аввакумушка, глянь сюда, что за «Память» прислали с патриаршего двора?.. Глаза совсем ослабели, читай! (*Передает Аввакуму свиток.*)

А в в а к у м (*читает*). «Память от великого государя и патриарха Никона. (*Дальше читает про себя, потом опять вслух.*) Неподобает метания творити на коленях, но в пояс бы вам класть поклоны. Еще же и тремя перстами креститься...».

(*Неронову.*) Не верю своим глазам, отче!

Н е р о н о в. Дай, дай-ка мне! Сам прочту!

(*Читает про себя.*) Господи! Сократить поклоны в молитве Ефрема Сирина! (*Читает.*) Господи! Отречься отеческого двуперстия!

А в в а к у м. Что же это, отче? Или русские святые молились неправильно?!

Н е р о н о в. «Что это», вопрошаешь? Измена заветам святых отцов наших! Измена!

А в в а к у м. Ты его высмотрел еще раньше — великий обманщик, блядин сын!

Н е р о н о в. Страшно! Не можем уйти от нашего барина, а барин на нас обозлен и уже мстит вдогонку!

А в в а к у м. И яд сей отрыгнул!

Н е р о н о в. Аввакумушка, ступай в церковь да покажи сию «Память» верным

нашим! А я помолюсь, авось Господь наставит и научит в лихое время! *(Опускается на колени пред образом Спаса на холсте.)*

А в в а к у м. Воистину, отче, лихое время... Яко зима хочет быти!.. Сердце озябло, и ноги задрожали... *(Уходит.)*

Н е р о н о в. Отче наш, иже еси на небе-

сех! да святится имя Твое, да придет царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси, и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь и остави нам долги наши, яко же и мы оставляем должником нашим, и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого, яко Твое есть царство, и сила, и слава! Аминь.

Сцена пятнадцатая

Чудотворец

Ц а р ь пишет письмо Одоевскому под далекий перезвон колоколов. Свет от трех свечей в подсвечнике.

А л е к с е й. «Усердный богомолец наш, твердый столп власти нашей воевода Никита Иванович князь Одоевский! Спрашиваем, как тебя, света, Бог сохраняет? А нам подаровал Бог великое солнце: как древле царю Феодосию возвратил мощи пресветлого солнца Иоанна Златоустого, тако и нам возвратил великого, пресветлого солнца Филиппа мощи, митрополита Московского и всея Руси чудотворца. И стояла рака десять дней среди церкви;

и текла вокруг нея беспрестанная река молящих. И во все десять дней с утра до вечера звонили во все колокола — до сих пор звенят в ушах. Будто светлая неделя была — так эти дни радостны были! И почти каждый день случалось от того по два, а то и по три чудесных исцеления. А как патриарха поставили... то и он, светчудотворец, двух исцелил на тот же день — и поныне реки чудес текут... Не подобны ли мы тем, о которых Господь сказал: «Вы не уверуете, если не увидите знамений и чудес, но блаженны не видевшие и уверовавшие...» *(Исчезает.)*

Сцена шестнадцатая

Неправый суд

Н е р о н о в, Н и к о н, Г р и г о р и й, Л о г и н.

Н и к о н. Протодиакон Григорий, зачти отписку муромского воеводы на протопопа Логина.

Г р и г о р и й *(читает)*. «Воеводы муромского на протопопа Логина извет. Он же, протопоп Логин, хулил образ Господа нашего Иисуса Христа, и Пресвятой Богородицы, и всех святых».

Л о г и н. Упаси Господь! Не токмо что словом хулить, но и помыслить что хульное об образах всех святых страшно мне! Я образам тем поклоняюсь и почитаю со страхом!

Н и к о н. Читай, Григорий.

Г р и г о р и й. «Жена моя подошла к протопопу Логину за благословением, а он не дал благословения за то, что набелилась она. Белила те входят в состав, коим пишутся образы всех святых».

Н и к о н. Было так, протопоп?

Л о г и н. Было, патриарх. На пиру в доме воеводы я сказал его жене: «А не белёна ли ты?»

Г р и г о р и й. Выходит, хулишь белила? А ведь без белил не пишется и образ Спасов!

Н и к о н. Ох, верно говорит Григорий! Чем оправдаешься, отче?

Л о г и н. Каждому делу свои орудия предназначены, святитель. Какими соста-

вами образы пишутся, такие и составляют писцы. (Григорию.) А коли на ваши рожи такие составы положить — небось не захотите?!

Григорий. Свят образ — святы и составы!

Логин. Образы-то святы, да ведь сам-то Спас и Пречистая Богородица честнее своих образов! О чем и Василий Великий писал: образу поклоняемся, первообразное почитаем!

Никон. Глупы и невежественны были наши святы, не в укор им будь сказано. Вижу в твоих речах ересь хитрую и наглую. Не зря сослался на Василия — ведь ты и читаешь по старым, неисправленным книгам, и литургию служишь не по моим приказам, и держишься старого крестного знамения, порицая наши патриаршие молитвы. За таковы его мерзкие преступления велю отдать протопопа Логина за жестокого пристава!

Неронов. За что велишь отдать Логина за жестокого пристава? Узнает пристав, что гневен ты на Логина — и уморит его. Такова будет твоя святительская милость? Отмени свой суд, суд неправедный!

Никон (кратко). Я, кроме Евангелия, ничем не сужу.

Неронов. Во святом Евангелии написано: любите врага вашего, добро творите ненавидящим вас. А ты как делаешь? Тебе кто добра хочет, тех ненавидишь, а которые клеветники и шепотники — тех ты любишь, и жалуешь, и слушаешь!

Никон (кратко). Я по правилам святых апостолов и святых отцов сужу.

Неронов. А в правилах написано: клеветникам не верьте, ищите истинных свидетелей, а, сыскав, клеветников наказывайте беспощадно! Тебе же явно клеветают на добрых людей, а ты тому и веришь!

Григорий. Не слушай его, патриарше! Не стоит доверия тот, у кого в собственном доме жена пьянствует да буйствует, а сын его у чудотворного образа Казанской Богородицы серьги украл! Серьги же — приклад государыни-царицы! (Неронову.) Вот ведь какие вы все воры!

Неронов (в полной растерянности). Пошто, владыко, позволяешь оскорблять меня и мою семью? Прежде этого Григория и других подобных ему называл ты

врагами Божьими и разорителями закона Господня, а ныне они у тебя в советчиках и на Соборе, быдто добрые люди! Прежде советовался ты с духовником Стефаном и друзьями его, тогда у тебя все мы непорочны были, а ныне у тебя те же люди недостойны стали! За что прежних друзей разоряешь, протопопов и попов с женами и детьми разлучаешь? Доселе ты друг наш был — ныне на нас восстал! **Никон.** Как узнать, Иван, кто добр, а кто зол? К примеру, священники твоей церкви Казанской, а также и дьяконы, и все причетники дали нам челобитную на тебя и собственноручно подписались в том, что ты наших патриарших приказов не исполняешь...

Неронов. Вели, владыко, прочесть теперь же, о каком моем бесчинии в этой челобитной писано!

Никон. Собрались мы ныне затем, чтобы рассудить дело протопопа Логина, а не с тобой, Иван, судиться. Довольно об этом. **Неронов.** Лжешь, патриарх! Никто не мог написать на меня, кроме Лаврентия, вдового попа, который тещу свою обокрал, за что ты же его в Иосифов монастырь сослал! А ныне, я слышал, нарочно и освободил, чтобы Лаврентий послужил за то тебе против меня! Чтобы ложь составил!

Григорий. Как дерзаешь ты, протопоп, великого святителя кощунником, празднословом, мучителем и лжесоставником называть?! Кто ты есть, чтобы обличать и осуждать?!

Неронов (устало). Что ты вопишь, Григорий, яко зверь в яме? Я же не похулил Отца и Сына и Святого Духа, но токмо похуляю ваш Собор. Таковы лживые Соборы были и на великого святителя Иоанна Златоустого! Чем ваш Собор называть, и не знаю, токмо озабочены вы не соблюдением закона Господня. И ты, владыко, дерзаешь осуждать невинных потому только, что тебе царская помощь во всем дана. Да ведь для добрых дел помощь благочестивого государя годится и надобна!

Никон (в гневе). Я стою между небом и землею, между царем и Господом, сам есмь великий господин, а потому и на царскую помощь плюю и сморкаю! **Неронов (испуганно).** Не дело говоришь, владыко!

Сцена семнадцатая

Под крыло России

Хмельницкий (Никону). Зверхнейшему пастырю нашему, милостивому Никону, патриарху Московскому и всея Руси Богдан Хмельницкий, гетман, и войско запорожское челом бьет! Да будешь неусыпным о нас ходатаем пред государем царем! Дабы подал нам царь на врагов наших скорейшую и прескорейшую помощь ратиею своею! Ибо король идет на нас со всею ляшскою силою, желая стереть с лица земли православную веру, церкви Божьи и народ православно-христианский! Великий господин, смилуйся!

Никон. Сохрани в тайне, гетман, и знай:

буду твоим ходатаем пред царем. Час пришел: либо вас спасем, либо с вами погибнем. Да не допустит Господь торжества врагов наших!

Хмельницкий. Аминь! *(Исчезает.)*

Является Выговский.

Выговский. Благодарим тебя, зверхнейшего пастыря нашего, что пожаловал для нашей новой церкви в Чигирине ризы, стихари, сосуды, богослужебные книги и всю церковную утварь! Возлагаем надежды наши на царскую помощь, ибо жестокий враг идет на нас!

Оба исчезают.

Сцена восемнадцатая

«Час пробил!»

Ртищев. Князь Репнин со товарищи вернулся из Варшавы...

Алексей. Какой толк от посольства?

Ртищев. Результат важный. Король нашей правды ни в чем не признал и помириться с черкасами отказался.

Является Хмельницкий.

Хмельницкий (зло). Вижу, что твоей государственной милости не дождешься! Стало быть, конечного разорения от Короны Польской не избежать!

Входит Никон.

Алексей. Святитель!

Никон. Час пробил, великий государь!

Алексей. Неужто война?..

Никон. В годину суровых испытаний Господь не оставит тебя, государь. Наше дело правое!..

Алексей. Что решать, Федор? Какими средствами одолеть страшного врага?

Ртищев. Если государь пожалует, даст мне начальство над войском, то я скоро приведу польского короля пленником!

Алексей. Федор! Как же ты смеешь хвастаться своим искусством в деле ратном? Когда же ты ходил с полками? Какие победы показал над неприятелем? Или ты смеешься надо мною?!

Хмельницкий. Если твоей государственной милости вскоре не будет, то я — слуга и холоп султану турецкому!

Никон. Доверься, государь, князю Трубецкому: Алексей Никитич воевода полковой, опытный и славный.

Алексей. Принимаю твое слово, святитель. *(Хмельницкому.)* Мы изволили принять вас под нашу высокую руку. Да не будете вы врагам креста Христова в притчу и в поношение!

Хмельницкий. Благодарю Господа Бога и Пречистую Богородицу, что такой пресветлый великий государь меня, холопа своего, и все войско запорожское пожаловал своим царским неизреченным жалованием!

Алексей. Грамоты наши привезет к вам боярин Бутурлин Василий Васильевич, а ратные люди наши собираются!

Хмельницкий. Свершилось! *(Падает на колени, плачет.)* Господи! Благодарю тебя, что позволил дожить мне до сего дня! *(Встает.)* Рады твоему пресветлому царскому величеству верно и во всем служить! Рады крест целовать и повиноваться воле твоего царского величества готовы, понеже мы ни на кого, токмо на Бога и на твое пресветлое царское величество надеемся!

Сцена девятнадцатая

«Ратуйте, люди православные!»

В Казанском соборе.

Данилов. Слышь-ка, Петр! В субботу Аввакум чел поучение на паперти и подьяконы слышали, что-де он, Аввакум, лишние слова говорил, что и неподобаает говорить.

Петр. Так-то он и завсегда поучение читал, от себя прибавляя.

Данилов. Завсегда! Архидиакон гневался ныне и нам же пенял: «Или-де вы не умеете честь поучение, что даете честь Аввакуму? Сами-де поучайте!»

Петр. Как же сами? Аввакум завсегда читает, когда батька Иван в отлучке!

Данилов. Не в отлучке батька, но в ссылке! Чего же Аввакуму начальствовать над нами? Ныне сам псалом говори и первую статью Евангелия чтит...

Входит Аввакум.

Где ж ты пропадал, Аввакумушка? Обыскались ты!

Аввакум. Батьку провожал... Тяжело опустилась рука патриарха на протопопа!

Петр. Обскажи, отче...

Аввакум. Долго мучительствовали и немилосердно избивали! А после Сильвестру, Крутицкому митрополиту, велено было снять с батьки скуфью. Наложили ему на шею большую цепь и повезли в Спасо-каменский монастырь, что в Вологодском уезде, на Кубенском озере...

Данилов. Кем же ему тамо быть?

Аввакум. В сопроводительной грамоте указано: «За великое бесчинство велено в черных службах ходить»... О благочестивый царю! Откуда сие пришло на твою державу? Правды в России не стало, главу от церкви отсеки, и свиньи пасутся там, где прежде дивный инок служил Господу!

Данилов. Не ты ли челобитную царю за батьку подал?

Аввакум. Аз, грешный, вместе с попом Данилой...

Данилов. Ну и дурак.

Аввакум. Пошто лаешься, Иван?

Данилов. А по то, что Данилу в Астрахань увезли, посадив на цепь, а челобитная ваша где?

Аввакум. Не ведаю... Уж не передал ли ее царь патриарху?!

Данилов. Царь положил свою душу и всю Россию на патриархову душу! Не я сказал, там слышал... А ты с челобитной! Патриарх охраняет царя, царь охраняет патриарха. Да святителю Никону помощь царская и не надобна, его благодать Божьего духа сохраняет. Сказывают, плыл он Белым морем из Анзерского скита, буря разыгралась, а он в ладье утлой! Пристал-таки к острову Кию, водрузил крест в память своего спасения, а ныне на том острове Крестный монастырь строит...

Аввакум. Царь-государь батьку нашего любит, проповеди батьки слушал со всею семьею, сам знаешь.

Данилов. Было, было...

Аввакум. Помнишь ли, что царь о батьке сказал? «Слышаще его учение сладкое, народ отвратит сердца свои от злых обычаев и навикнет добрых дел...».

Данилов. Народ! Церковь наша посреди торжища стоит — отчего же народу не послушать священнослужителя? Батьку ли, тебя ли, его ли, вон, Петра... Пока ты невесть где бегал, мы с Петром уговорились, чтобы ему нынче псалом читать...

Аввакум. Что же это? Батьки нет — и мне уж ни чести, ни жребия нет? В прежние его отъезды того не бывало, чтобы вы у меня первенство отымали...

Петр. Прежде и того не бывало, чтобы батьку в цепях увозили.

Аввакум. Вспомнился тебе, Иван, Анзерский скит и спасение Никоново, пошто же не помнишь, отчего Никон покинул тот скит? Или не ведаешь, что преподобный Елеазар скоро проникнул в злые умыслы его сердца? Егда Никон совершал священнодействия, старец увидел змия, обвивавшегося вокруг выи Никона, великого и черного змия, и тут же объявил ученикам своим о Никоне: «О, какого мятежника и смутителя России в себе питает!»

Данилов. Старец Елеазар подслеповат, омофор за змия принял! Омофор! Всем ведомо!

А в в а к у м. Батяка приказал мне за себя в церкви быть! Что и подобает: аз есмь протопоп!

Петр. Иди и чти, токмо не гневайся. А я согласен.

Д а н и л о в. Нельзя ему честь! И протопоп он юрьевский, нездешний! С чего же это тебе быть у нас всем, а нам ничем? Да хотя бы и приказал батяка — ныне

не его приказов слушаем. Иди и чти, Петр! А ты не гневись, станешь читать в очередь. (*Уходит, Петр за ним.*)

А в в а к у м. Ратуйте, люди православные! Отца духовного Никон сослал, меня, грешного, попы никониянские из церкви гонят! Куда же податься? Нешто, яко скоту, в конюшню? В некоторое время и конюшня церкви лучше!

Сцена двадцатая

Тайная вечеря Аввакума

В полной темноте зажигается тонкая свечка, освещающая лицо Аввакума и книгу у него в руках, оставляя в полутьме группу «верных».

А в в а к у м. Братия и чада мои во Господе, богатые и убогие, малые и великие, сытые и голодные, старые, вдовы и молодые! Пока есть время, попечемся о душах наших. Позвал я вас не в церковь Божью, но в сушило на дворе отца моего духовного, невинно сосланного. Буду говорить вам правду о беззакониях Никона. Волки не жалеют овец! Пришло время им лаять, нам страдать!

Первый женский голос (*из темноты*). Научи, как миновать беду?!

А в в а к у м. Виждь, слышателю: беда наша необходимая, невозможно ее миновать! Выпросил у Бога светлую Россию сатана — и залил ее кровию мученическою! Добро ты, диавол, вздумал, и нам то любо — Христа ради, нашего света, пострадать!

Второй женский голос. Нам то и любо: Христа ради, нашего света, пострадать!

А в в а к у м. Пострадаем неослабно, чада мои. А теперь укрепим наши души, внимая завету святых отец о перстосложении и и. Всякому правоверному подобает, персты слагая, креститься крепкою, а не дряхлою рукою, дабы нерадением бесов не тешить. Подобает на главу, на брюхо и на плеча класть руку с молитвою, чтобы тело слышало, а ум внимал. Тайное тайных нам в руке персты образуют,

вот что разумей. По преданию святых отцов, подобает сложить два перста: указательный и великосредний сложити, причем великосредний мало наклонити — се являет нам божественное и человеческое во Христе. Также великий перст и мизинец и третий подле мизинца, ибо все три вкупе являют нам триединое божество Отца и Сына, и Святого духа. Видите ли, боголюбцы, как у святых все положено, разложено; и спасительно, и покойно. Не так, как у нынешних людей антихристового духа! Никонияне мудрствуют тремя перстами креститься. Да станут ли умершие и вообще-то креститься? Мне видится, что никонияне равны уже мертвецам, хотя и живы пока, но ведь полуживы, ибо мертвые дела творят — срамно и глаголати о них!

Первый женский голос. Равны уже мертвецам!

Второй женский голос. Ибо мертвые дела творят!!

Третий женский голос. Срамно и глаголати о них!!!

А в в а к у м. На послание апостола Павла к ефесянам Иоанн Златоустый пишет (*открывает книгу*): «Ничто так не разжигает раскола в церкви, как произвол властей...»

Первый женский голос. «Произвол властей...».

Второй женский голос. А ладно ли, отче? Святую книгу следует читать в святой церкви, не в сарае!

Третий женский голос. Осквернил церковь Никон-антихрист!

Сцена двадцать первая

Арест Аввакума

Никон. Ишь, каких баб за собой из церкви увел! Феодосья Морозова — боярыня, богаче и знатнее нет, да Катька, сестра ее, княгиня Урусова. Скольких увел — и все бабы верхние! Знает, сукин сын, с кого на прокорм получить, за чью спину спрятаться! Худа гадина протопоп сей! Нелединский!

Вбегают стрелецкий полковник.

Нелединский. Что прикажешь, владыко?

Никон. За волосья протопопа — и сюда, ко мне приволочь! А верных его — в тюрьму.

Нелединский. Всех, святитель?

Никон. Сколько их?

Нелединский. Да с полсотни будет.

Никон. Всех заточить! Кроме знатных...

Нелединский уходит.

Из собора в сарай переметнулся! Неронов на такое не решился бы... Сынок посмелее своего отца духовного...

Нелединский вталкивает Аввакума — он избит, оборван, грязен.

Из собора в сарай переметнулся? Понимаю. Куда же тебе, бедному, деться? Без детей духовных... брюха не набьешь, а оно жрать просит. Да и семья у тебя, понимаю. Бабы-то жалостливы ли к тебе? Чего молчишь? Не бойсь, аз есмь человек грешный!

Аввакум. Аще Бог со мной, кого убоюсь?

Никон (иронически). «О благочестивый царю! Откуда сие пришло во твою державу?» Помнишь ли такие слова, отче?

Аввакум. Верни батьку Иоанна, верни, дьявол!

Никон. «Правды в России не стало, главу от церкви отсекли...». Вот она, твоя челобитная, где! У меня! Аз есмь живой, а ты глаголешь, будто главу от церкви отсекли... «И свиньи пасутся там, где прежде дивный инок служил Господу!» Служил «дивный инок», но как служил-то?! Ревнитель благочестия — как ревновал?! Смирал батожем, на цепь сажал,

страшные изветы писал царю! Сколько добрых людей сгубил!

Аввакум. Не могут мои уши слышать об нем хульных глагол! Хотя бы и от ангела. Тем паче от тебя, убийца епископа Павла, без суда сославший в Астрахань протопопа Данилу!

Никон. Друг твой и заединщик, верно? Кстати, сей протопоп посажен был в земляную яму и в ней, яко пес, на своей же блевотине подох.

Аввакум (шепотом). Уморили! Венец терновый на главу его возложили... *(Громко.)* Вот каков ты пастырь: волк в стаде овечьем! Плевел несеянный посреди пшеницы!

Никон (смеется). А царя, меня почитающего, как величать станешь, протопоп?

Аввакум. Овчеобразный волк! Кто близ тебя, у того и голова кругом идет, только царь-государь высмотрит тебя, да и греков твоих скорехонько прогонит!

Никон. Окстись, дурак! Царь возрос в семье, где греков почитали, ведь патриарх Филарет, дед государя, — ставленник патриарха Иерусалимского. От младенчества царь восприял благую мысль о единении церковей русской и греческой как о первой ступени, ведущей к единению народов православных!

Аввакум. Врешь, патриарх! Ты привез Арсения Грека, сосланного при Иосифе! Ты прогнал прежних справщиков книг из типографии! Ты сменил могучее русское церковное пение на нежное партесное! Ты предал заветы святых отец и отрекся отеческого двуперстия!

Никон. Мужик, сукин сын! Составлю указ, чтобы в Сибирь тебя, в цепях!

Аввакум (смеется). И опять врешь, патриарх! Не твое дело указы составлять — на то царь есть! Или ты уже и на царский чин возгордился?

Никон (смирненно). Царь — над животами царь, я же над душами людскими царствую.

Аввакум (смеется). Ох, горе! Дьявол патриархом прикинулся! Везде ныне от дьявола житья нет!

Никон. Нелединский!

Входит стрелецкий полковник.

Уведи дурака, чего с ним язык чесать.
Упряма, яко козел вонючий!

Полковник хватает Аввакума.

Аввакум (упирается, кричит Никону в лицо). Время жития сего сокращено!
Яко дым минует и слава твоя! Ничтожно все!
Едино надобно: спасение души!
А ты со своей гордыней без помощи

Божьей что можешь? Тьфу! (Плюет в Никона.)

Никон (кричит). На цепь его! Яко пса!
Голым!

Полковник уволакивает Аввакума, но слышен его зычный голос:
«Господь гордым противится, смиренным же дает благодать!»

Смиренник нашелся! Слепый водитель слепых!

Сцена двадцать вторая

Донос

Никон молится. Входит протоиерей Григорий.

Никон. Что стряслось, Григорий?

Григорий. Стрельцы полковника Нелединского схватили подозрительного монаха!
По дороге из Владимира!

Никон. Ходил, стало быть, к ссыльному Ивану Неронову?
С чем же на Москву вернулся?

Григорий. Сия грамота, святитель, отобрана у монаха!

Никон. Письмо Ивашки Неронова к великому государю?
Любопытно! Читай!

Григорий (читает). «Рабски тебе челом бью, еще же и слезы лью и помиловать зову!
Не о тех, кто покоя и чести желает, но о пострадавших за Христов закон молю,
о заточенных, поруганных, изгнанных без всякия правды!
Царь-государь, смилуйся! О самодержец!
Внемли и не презри моление нищего протопопа,
богомольца твоего! Ложным судом судил патриарх Никон благочестивого раба твоего протопопа Муром-

ского Логина. Когда же аз, грешный, сказал, что в таком деле надобно спросить тебя, государя, Никон дерзко отвечал — мол, на царскую помощь плюю и сморкаю, ибо сам стою между царем и Господом!
Царь-государь! Стани добре, о церковное чадо, внемли плачу и молению твоих государевых богомольцев!
Охрани и укрепи мать твою, святую соборную и апостольскую церковь, да не до конца растлят ее красота сынове века сего!»

Никон. Верни письмо монаху и отпусти его.
Государь мне же сам вернет донос. А Неронов посидит-посидит да и задумается.
А там, Бог даст, и одумается...

Григорий. А коли не одумается Неронов?

Никон. Хлипок протопоп! Слезную челобитную написал... Имечко у него, правда, неприятное — Неронов.
Не от римского ли язычного императора Нерона? Ну, тогда пошлем его из Вологды дальше.
Всех, раскол в церковь вносящих, пошлем куда подальше!.. Одумаются! Либо на этом свете, либо уже на том...

Сцена двадцать третья

«Навек едины!»

Хмельницкий, Бутурлин, Выговский.

Хмельницкий. А тебе, боярин Бутурлин Василий Васильевич, следовало бы

перед казаками присягнуть за государя. Чтоб ему нас польскому королю не выдавать, за нас стоять и вольностей наших не нарушать!

Бутурлин. Служить клянутся великому государю, а того, чтобы великий государь присягал, никогда не бывало и вперед не будет! Тебе, гетману, и говорить об этом непристойно.

Хмельницкий. Однако же польские короли своим подданным всегда присягают.

Бутурлин. И этого в образец ставить непристойно! Эти короли не самодержцы, а на чем и присягают, на том никогда по правде не стоят.

Выговский (льстиво). Не изволили вы присягать за великого государя, так дайте нам хоть письмо за вашими руками, чтоб вольностям нашим, правам и именням быть по-прежнему!

Бутурлин. И письмо писать за государя — дело не статочное! А вольности, права и имения ваши останутся при вас. У царского величества не в обычае волю переводить в неволю.

Выговский. Мы государскому слову верим!

Хмельницкий. Во всем полагаемся на государеву милость! И присягу, по евангельской заповеди, великому государю вседушно учинить готовы. И за государское многолетнее здоровье головы складывать рады! Объявляй, боярин, волю московского государя. Слушай, Войско Запорожское!

Бутурлин (читает). «Великий государь, видя с королевской стороны неисправления, досады и нарушения и не желая того слышать, чтоб вам, единомерным православным христианам, быть в конечном разорении, а церквам благочестивым в запустении и поругании от латинов, под свою высокую руку вас, гетмана Богдана Хмельницкого и все Войско Запорожское с городами и землями, принять велел и помощь вам своими ратными людьми чинить велел!»

Гробовое молчание.

Выговский (тихо). Гетман, казаки ждут твоего слова!

Хмельницкий (после паузы). Паны полковники, есаулы, сотники, все Войско Запорожское и все православные христиане! Вот уже шесть лет живем мы в беспрестанных бранях и крово-

пролитиях с гонителями и врагами нашими, хотящими искоренить церковь Божью, дабы имя русское не поминалось в земле нашей! Это уже очень нам всем наскучило, и видим, что нельзя нам жить больше без царя! Для этого собрали мы Раду, явную всему народу, чтоб вы с нами выбрали себе государя из четырех — кого хотите! Первый — царь турецкий, бусурман. Всем вам известно, как братья наши православные, греки, от него беду терпят и стонут от его безбожных утеснений! Второй царь — хан крымский, бусурман. По нужде дружбу его принявши, сколько же мы нестерпимых бед от него испытывали! Третий царь — король польский, который, если захотим, и теперь нас еще в прежнюю ласку принять может. Да об этих ласках от польских панов нечего и говорить! Сами знаете, что они больше жида и пса, нежели христианина, нашего брата, почитают! А четвертый есть православный Великой России государь — царь и великий князь Алексей Михайлович, которого мы уже шесть лет беспрестанными молениями к себе просим! Этот великий государь, шестилетних наших молений беспрестанных не презревши, теперь милостивое свое царское сердце к нам склонивши, своих великих ближних людей к нам с царской милостью своею прислать изволил. И если мы его с усердием возлюбим, то, кроме его царской высокой руки, благодатишего пристанища не обрящем. Если же кто с нами не согласен, то куда хочет — вольная дорога! Выбирайте!

Громкие крики. Волим под царя восточного православного! Лучше в своей благочестивой вере умереть, нежели ненавистнику Христову, поганину достаться!

Выговский. Все ли так соизволяете? **Громкий крик.** Все единодушно!

Хмельницкий. Будь так, да Господь Бог наш укрепит нас под царскою крепкою рукою!

Народ. Боже, утверди! Боже, укрепи! Чтоб мы вовеки все едины были!

Сцена двадцать четвертая

На войну

Трубецкой, Никон и царь.

Трубецкой. Великий государь царь и самодержец всея Руси, великий князь Московский Алексей Михайлович! Воины ждут царского приказа и патриаршего благословения!

Царь (*выдвигается вперед*). Мы, великий государь царь, посоветовавшись с отцом своим, великим государем патриархом святейшим Никоном, со всем Освященным Собором и с вами, боярами, окольными и думными людьми, приговорили и изволили идти на недруга своего, польского короля. Воеводам и всяких чинов ратным людям быть на нынешней службе без мест — этот указ наш мы велели записать в разрядную книгу и закрепили своею государскою рукою! (*Передает Никону воеводский наказ.*)

Никон (*кладет наказ в киот иконы Владимирской Божьей Матери, на пелену*). Князь Алексей Никитич Трубецкой! Примите сей наказ от престола Господа Бога. Идите радостно и дерзостно за святые Божьи церкви, за благочестивого государя и за всех православных христиан. Исполняйте государево повеление безо всякого преткновения! Если же не сотворите по сему государеву наказу, убоитесь и не станете радеть о государеве деле, то восприимите Ананиин и Сапфирин суд!

Трубецкой принимает наказ от патриарха, целуя его руки.

Царь. Князь Алексей Никитич со товарищи! Заповедую вам: заповеди Божьи соблюдайте и дела наши с радостию исправляйте, а врагов Божьих и наших не щадите! Если же презрите заповеди Божьи и преслушаетесь нашего слова, то я пред Богом не буду виноват, вы же дадите ответ на Страшном Суде! (*Оборачивается к залу.*) Полчане! При вас заповедал я боярам и воеводам заповеди Божьи соблюдать, наши дела исправлять с усердием, суд творить вправду, а вас, добрых, беречь и любить,

как самих себя, а злых не щадить! И вам бы, слыша от нас такой милостивый и грозный приказ, бояр и воевод во всем почитать и слушать, и бояться, как и нас, и на всякие дела быть готовыми без отговорок! Еще же заповедую вам пребывать во всякой чистоте и целомудрии, потому что не знаете, в какой час смерть настигнет вас. (*Подходит к Трубецкому, обеими руками склоняет его голову к себе на грудь и так ласково держит с минуту, потом отпускает.*)

Трубецкой (*со слезами*). О царю пресветлый, премилостивый и премудрый, наш государь, отец и учитель! Ей, насладились мы душевных и полезных учительских слов! Какого источника живых вод искали, такой и обрели. Пророком Моисеем манна дана была израильским людям в пищу. Мы же не только телесною снедью напитались от твоих царских уст, но и душевную пищу пресладких и премудрых глаголов божьих, исходящих от уст твоих, царских, обвеселились душами и сердцами своими. Хотя малодушны мы и маловерны, но устремляемся на всякое послушание благое — и Бог помощник нам будет!

Царь (*обращается в зал*). Полчане! На Соборах мы говорили о неправдах польских королей к братьям нашим православным на Украине, а вы слышали это от своих выборных. Так вам бы за злое гонение на православную веру и за всякую обиду к Московскому государству и к братьям нашим в Малой России стоять насмерть! Да не идет мимо нас Христово веление: больше той радости нет, как душу свою положить за други своя!

Пауза.

Полчане безмолвствуют.

(*Срывается на крик*). Собаке недостойно есть и одного куска хлеба православного! Если же оба куска хлеба достанутся собаке вечно есть — кто будет в ответе?!

Пауза. Полчане молчат.

(Отдышавшись, тихо). А мы, великий государь, идем сами вскоре и за всех православных христиан начнем стоять. И если Творец изволит и кровию нам

обагриться, то мы с радостью готовы всякие раны принимать вас ради, православных христиан, и радость, и нужду всякую будем принимать вместе с вами!

Приветственные крики полчан.

Сцена двадцать пятая

Запись Никона

Келья. Горит свеча.

Никон *(пишет).* «Торжественно и с трепетанием душевным отпустили на войну боярина Трубецкого со товарищи! А пятнадцатого мая отпущена была в Вязьму Иверская икона Богородицы, и в тот же день отправились туда воеводы передового и ертаульного полка, на другой день выступили воеводы большого и сторожевого полка. А восемнадцатого мая выступил и сам царь. Полки собирались на Девичьем поле, откуда шли сотнями мимо дворца — здесь же из окна столбовой избы аз, патриарх Никон, кропил их святой водою. Это главное войско отправилось на запад по Смоленской дороге... И что же? Приятные вести посыпались как из рога изобилия! Четвертого июня царю дали знать, что посадские люди сдали без боя Дорогобуж. Одиннадцатого июня царь по дороге в Дорогобуж получил известие о сдаче его войскам Невля, четырнадцатого июня — о сдаче Белой, двадцать девятого его поздравили со сдачей Полоцка, второго июля — весть о сдаче Рославля, пятого июля государь

расположился станом на Девичьей горе, в двух верстах от Смоленска, а двадцатого дали знать о сдаче Мстиславля. Поляки бежали, а мужики сдавали города без сопротивления. «Мужики очень нам враждебны, — пишет некий поляк. — Везде на царское имя сдаются и делают больше вреда, чем сама Москва. Это зло будет и дальше распространяться, надобно опасаться чего-нибудь вроде казацкой войны». Некий стихотворец из Белыя Руси скорехонько сложил «Песню о взятии Смоленска», — простецкое славословие, но от души изболевшей:

Царь Алексей Михайлович,
Восточного царства дедич,
Идет Литвы воевати,
Свою землю очищати...

Очищается, освобождается, объединяется родная земля, некогда расколотое вновь воссоединяется в единое целое, уже не Русь, но Россия — и радуется душа! В пышные и без того титулы «Великий Государь царь» и «Великий Государь патриарх» впервые вплетаются столь важные определения: «Великия и Малыя и Белыя России»...

Сцена двадцать шестая

Вологодское пророчество

Светает. Слышно церковное пение.

Неронов. Дьяк! Долго ли постоим в Вологде? Не велишь ли мне выйти с монастырского подворья?

Дьяк. В грамоте на тебя, отче Иван, сказано, чтобы ехать тебе от нас в Кандалакшский монастырь вскорости...

Неронов. Заутреню поют... *(Пауза.)*
Душа просится в церковь Божью...

Дьяк. Приказа не пущать в церковь нет. На твоей воле: идти или нейти туда. *(Исчезает.)*

Служба кончается. Шум толпы, выходящей из церкви.

Н е р о н о в (*бросается наперерез и, подняв руки, останавливает людей*). Слушайте, братья и сестры! Аз, грешный протопоп московского Казанского собора Иоанн, хочу сказать вам не из головы слово идущее, но от сердца к сердцу. Великое зло в человеке есть властолюбие — начало всякого зла! Может быть, кто-либо скажет вам, что апостол Павел не похулил желающих архиерейства, ибо говорит: если кто епископства желает, доброго дела желает. Внемлите же последним словам апостола: «доброго дела желает». Дела желает, а не власти! Труда, а не почета! Забот, а не насыщения! Апостол потому не похулил желающих епископства, что в те времена за епископством следовало мученичество. Ныне же ищущий епископского сана должен бояться, чтобы, приняв на себя попечение о спасении других, не погубить свою душу, не впасть в грех властолюбия, что и произошло с Никоном-патриархом!

Дьяк (*входит, испуганно*). Поберегись, отче!

Н е р о н о в (*не обращая внимания*). Мы знаем, что незаконному Ироду не страшно было убить столько тысяч неповинных младенцев, чтобы только не лишиться царской власти. Тако же и Никону-патриарху не страшно хватать, мучить, ссылать и убивать ревнителей древнего русского благочестия.

И был мне глас от Спасова образа: «Иоанне, дерзай и не убойся до смерти! Подобаает тебе укрепить цареву имя Мое — да не постраждет днесь Россия!» Пришло

время страдания, подобаает нам неослабно страдать!

Но рек же отец наш Василий Великий: «Подчинившиеся страсти гнева не совершают ничего здорового». Объявляет Никон, будто бы делает по Евангелию. Оно и верно, ибо так творит, как в Евангелии сказано: поругались жидове истинному Христу! Гонит Никон-злодей добрых христиан все дальше, дальше и дальше, но скоро и сам с Москвы поскачет, никем не гонимый, а только волей Божьей!

Дьяк. Поберегись, отче!

Н е р о н о в. Придет помощь Божья, не сомневайтесь, но и сами не спите, христолюбцы, ибо даже малая беда скоро делается великой, если мы спим. Не должно человекам уподобляться агнцу безгласному перед стригущим его! Великий царь Иван Васильевич умолял святителя Филиппа: «Только молчи, одно тебе говорю: молчи, отец святой! Молчи и благослови нас!» Филипп же митрополит отвечал царю: «Мое молчание грех на душу твою налагает и смерть невинным наносит».

Дьяк. Поберегись, отче!

Н е р о н о в. Вам говорю сегодня: тако же и ваше молчание наносит смерть невинным! А коли станете и впредь молчать — все до единого пострадаете! Не только вам говорю так, но и на все другие места России объявляю: за молчание наказаны будете! Ибо, где страждет невинность, там молчание есть погиль души...

Занавес

